

Глава 3 Сверхдержава извне и изнутри

3.1 Эпоха «единогласного одобрения»

Леонид Ильич Брежнев не был по натуре вожаком, не обладал достаточными знаниями, выдающейся смелостью тоже не был наделен, в первые лица страны не рвался и даже во время организации заговора против Хрущева все время норовил уйти в тень. Но в этом была определенная логика: Никита Сергеевич поплатился не только за ошибки, но и за излишнюю активность и, если рассматривать успех переворота как победу партийной бюрократии, то граничащая с безынициативностью осторожность Леонида Ильича превращалась в положительное качество. С точки зрения номенклатуры, остальные возможные претенденты обладали более значительным набором отрицательных характеристик, и на роль лидера партии годились еще меньше. Гипотетическим конкурентом мог стать разве что возглавлявший группу бывших «комсомольцев» Александр Шелепин («железный Шурик», как его называли), но он не был членом Президиума ЦК, что, согласно неписанным партийным правилам, закрывало ему дорогу к посту первого секретаря. Через некоторое время Брежнев отодвинул на вторые роли всех «комсомольцев»: Шелепин возглавил ВЦСПС, Семичастный был переведен в Совмин Украины, Егорычев, Романовский отправлены на дипломатическую работу.

На октябрьском (1964) пленуме, в лучших традициях «коллективного руководства», было принято решение о недопустимости совмещения постов Первого секретаря и председателя Совета министров. Брежнев возглавил партию, вторым секретарем стал Николай Подгорный, а председателем Совета министров был назначен грамотный хозяйственник Алексей Косыгин, который еще при Сталине был министром финансов, а потом министром легкой промышленности. Ответственным за идеологию теперь стал влиятельный и консервативный Сулов. Председателем Верховного совета остался Микоян - смещение старейшего члена политбюро могло вызвать сомнения в партийном единстве. Через год, когда страсти улеглись, Микоян «по достижению семидесятилетия» вышел на пенсию, и его заменил Николай Подгорный. В таком составе, «квартет» руководителей СССР просуществует фактически до начала 1980-х.

Удивительная стабильность правящей элиты брежневской эпохи является следствием той же «отрицательной селекции», о которой уже приходилось говорить выше. Никто из членов руководства (даже первый «квартет») не обладал лидерскими амбициями, все прошли школу подчинения и «единогласного одобрения». Они не были политиками в полном смысле этого слова, а лишь исполнителями – кто-то менее профессиональными, кто-то - более. К последним, бесспорно, можно отнести Косыгина, курировавшего «оборонку» Дмитрия Устинова и министра иностранных дел Андрей Громыко. Быстро освоился и возглавивший в 1967 году КГБ Юрий Андропов. Как и его предшественники Шелепин и Семичастный, Андропов не был профессиональным

чекистом, а пришел в органы с партийной работы, но смог завоевать авторитет. При нем КГБ вернуло себе утраченное при Хрущеве влияние и контроль за всеми процессами, происходившими в стране.

Первым делом новое руководство страны избавилось от наследия хрущевской эпохи: были упразднены совнархозы и восстановлена отраслевая министерская система, возвращен прежний территориально-производственный принцип построения партийных организаций и их руководящих органов и т.д. Следующим шагом стал возврат пятилетней системы планирования и сокращение функций КГНК, который превратился в скромный Комитет народного контроля. Самые одиозные нововведения Хрущева канули в Лету, что, вкупе с естественными надеждами в отношении новых персон в Кремле, вызвало у простых людей прилив оптимизма: по сведениям КГБ, в 1965 году примерно в два раза сократилось число «антисоветских выступлений» — распространения листовок, появления оскорбительных надписей в адрес политического руководства и т.д.¹

С другой стороны, после переворота 1964 года режим вовсе не стал более демократичным, скорее, наоборот. С уходом Хрущева, идеологическую политику стал определять Михаил Сулов, который по своим взглядам был человеком более консервативным и жестким. И «границы дозволенного» вскоре стали сужаться. Первой ласточкой еще при Хрущеве стало дело ленинградского поэта Иосифа Бродского, которого решили привлечь к ответственности в соответствии с указом Президиума Верховного Совета РСФСР о борьбе с туеядством. Дело велось в административном порядке. Но по исполнению это был классический публичный процесс в стиле эпохи «большого террора»: сначала в газете «Вечерний Ленинград» появилась статья с говорящим названием «Окололитературный трутень» (*Бродский ... «не только пописывает стишки, перемежая тарабарщину нитьем, пессимизмом, порнографией, но и вынашивает планы предательства»*²), затем там же была опубликована подборка гневных писем читателей и лишь потом, «с участием общественности» проведено судебное заседание. Бродский был выслан из Ленинграда на пять лет. Вокруг дела Бродского развернулась нешуточная борьба в высших эшелонах власти, продолжавшаяся почти полтора года (впрочем, это отдельная тема). В конце концов власть свою ошибку не признала, но исправила. Это было начало общего тренда на ужесточение цензуры. И вскоре начался новый «литературный» процесс – А. Синявского и Ю. Даниэля, которых арестовали в сентябре 1965-го.

Обвинения в адрес писателей были более серьезными - «антисоветская агитация и пропаганда». Вся их вина состояла в том, что они переправляли свои произведения за границу, где они выходили под псевдонимами Абрам Терц (Синявский) и Николай Аржак (Даниэль). Прямых призывов к свержению строя в их прозе не содержалось, но власть испугалась самого факта публикаций на Западе и решила устроить показательную порку. В поддержку арестованных писателей выступила значительная группа советской интеллигенции, подписавших «письмо 62-х» – писатели К. Чуковский, И. Эренбург,

---

¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 239-240.

² «Вечерний Ленинград», 1963, 29 ноября.

В.Шкловский, В. Каверин, М. Шатров, Ю.Нагибин, поэты Д.Самойлов, Ю. Левитанский, , Б.Окуджава, А.Ахмадулина, режиссер А.Тарковский и др.

Юридических оснований для преследования Синявского и Даниэля не существовало – они воспользовались своим правом на свободу слова и свободу печати, закрепленном в статье 125 Конституции СССР. 5 декабря 1965 года в День конституции около двух сотен человек вышли на Пушкинскую площадь с лозунгами «Уважайте Конституцию (Основной закон) СССР» и «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!». В основном это были «ветераны Маяка»³ (Александр Есенин-Вольпин, Владимир Буковский, Юрий Галансков и др.), молодые ИТРы (инженерно-технические работники) и МНСы (младшие научные сотрудники), рабочие, студенты московских ВУЗов. Митинг был жестко разогнан, 28 человек арестованы. После этого публичного выступления власти уже не могли замалчивать резонансное дело, поэтому была организована ответная кампания, в которой участвовали верные власти деятели культуры – М. Шолохов, С.Михалков, К. Федин, Н. Тихонов, К. Симонов и т.д. Брежнев даже лично удостоил «дело писателей» упоминания в докладе на XXIII съезде партии.

Второй линией углублявшегося общественного «водораздела» стало отношение к сталинизму. К двадцатилетию Победы правительство решило восстановить официальный праздник 9 мая – впервые с 1945 года на Красной площади прошел парад, была выпущена памятная медаль. Естественно, публиковалось множество статей, прошли тысячи официальных заседаний, прозвучало бесчисленное количество докладов, в которых все отчетливее стала проводиться (или возрождаться) мысль о выдающейся роли Сталина в победе над фашизмом. Тенденция была столь очевидной, что накануне уже упомянутого XXIII съезда КПСС 25 выдающихся деятелей науки и культуры (академики Л.А.Арцимович, П.Л. Капица, А.Д. Сахаров, И.Е. Тамм, режиссеры М.И. Ромм и М.М.Хуциев, балерина М.М. Плисецкая и др.) выступили с открытым письмом, в котором заявили о недопустимости изменения отношения к «сталинизму». Следом появилось «письмо 13-ти» - группа не менее знаменитых людей (писатели И.Г. Эренбург и В.Д.Дудинцев, академики А.Н. Колмогоров, А.И. Алиханов и И.Л. Кнунянц, режиссер Г.Н. Чухрай, актер И.В. Ильинский и т.д.) посчитали своим долгом присоединиться к высказанному коллегами мнению.

Письма остались без ответа. Синявский и Даниэль виновными себя не признали и были осуждены на 7 и 5 лет соответственно, «ползучая» реабилитация сталинизма продолжилась. Следующим шагом стало открытое письмо Александра Солженицына к IV съезду Союза советских писателей (16 мая 1967 года), в котором автор требовал не только осудить сталинские репрессии, но также прекратить политические гонения и запретить цензуру во всех формах: «Не предусмотренная конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затуманенным именем Главлита тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно-неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век!».⁴ Под этим весьма жестким по форме и содержанию письмом

³ «Маяк» - вольные поэтические чтения у памятника Маяковскому в Москве в 1958-61 гг. (Прим. отв. ред.)

⁴ Посев, 1967, 2 июня.

не побоялись поставить свои подписи 84 писателя, еще полтора десятка поддержали его в письмах и телеграммах к съезду.⁵

Власть не пожелала услышать общественность, хотя к ней обращались весьма значимые в советской иерархии люди. В хрущевское время видные деятели науки и культуры могли надеяться на личное участие руководителей, теперь же государственный аппарат предстал анонимной бездушной машиной, не готовой к диалогу. В новой общественной конфигурации не оставалось места «легальной оппозиции» или «прогрессивному течению внутри партии», а значит, дискуссии были невозможны. Все должны были или смириться с новыми правилами игры или покинуть страну. Третьим вариантом становилось внутреннее диссидентство с риском угодить за решетку. Впрочем, это были лишь первые звоночки нового мира, который позже назовут эпохой «застоя». Название не слишком точное, но прижившееся⁶.

3.2 Демократизация, гласность, плюрализм ...

Рубиконом, после которого надежды эпохи оттепели умерли окончательно, стали чехословацкие события 1968 года. Причем, их воздействие на внутреннюю жизнь Советского Союза оказалось, возможно, даже более значительным, чем влияние на геополитическую картину мира. Началось все с того, что в Чехословакии наступил очевидный кризис власти, которая перестала соответствовать требованиям времени и чаяниям народа. С марта 1953 года у руля государства стоял Антонин Новотный – пролетарий, коммунист, чудом выживший в гитлеровском концлагере и по сталинским лекалам строивший Советскую власть в послевоенные годы. XX съезд он принял без энтузиазма, свел к минимуму критику сталинизма, а с законом об амнистии и реабилитации политических заключенных тянул до 1960-ого года. «Оттепель» в Чехословакии явно задерживалась, многие проблемы, в том числе, национальные (разделение федерации на чешскую и словацкую республики), не были решены. К середине 1960-х консерватизм Новотного выглядел очевидным анахронизмом и стал вызывать у людей уже почти нескрываемое раздражение, что могло иметь печальные последствия. В 1967 году в Праге студенты устроили манифестацию с требованием

---

⁵ Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996 . С. 166.

⁶ Авторство термина «застой» не совсем корректно приписывают М.С. Горбачеву со ссылкой на доклад ЦК XXVII Съезду КПСС. Однако, в докладе М.С. Горбачева было сказано достаточно точно: «Практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались. Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма – все это наносило немалый ущерб делу. В жизни общества начали проступать застойные явления» (Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. С.4.). Действительно, перечисленные проблемы наносили огромный ущерб, они способствовали нарастанию социальной энтропии, что в полной мере скажется в историческом плане уже очень скоро. «Застой» - старое русское слово, в политическом смысле использовалось уже в XIX веке. Оттуда, видимо, языковая память и достала его, когда формировалась народная метафора «эпоха застоя», которая надолго закрепилась в отечественном политическом лексиконе. Но нужно понимать, что, например, в этот период в культуре и науке шло бурное развитие; СССР достиг ядерного паритета с США и был признан сверхдержавой. В экономике, действительно, снизились темпы роста, а застой как отсутствие развития в полной мере проявлялся лишь в партийно-политической сфере. (Прим. отв. ред.)

реформы системы образования, их поддержали широкие круги общественности. Стихийное протестное движение приобретало лавинообразный характер и это, по свидетельству секретаря советского посольства в Праге М. Н. Кузнецова, отлично понимали в Москве: «[Политбюро]... в конце 1967 г. хорошо чувствовало, что находящегося в изоляции Новотного нужно убирать, но все упиралось в то, кто станет вместо него. Как правило, руководителя меняют тогда, когда имеется лучшая или равноценная замена».⁷

В декабре Брежнев посетил Чехословакию, ездил с Новотным на охоту, но официальной поддержки чешский лидер так и не получил. Не имея однозначно своего кандидата, Кремль предпочел отдать решение в руки ЦК ЧКП. В итоге, на январском пленуме победу одержал Александр Дубчек, кандидатура которого, в целом, устраивала советское руководство. Сомнения высказывались лишь относительно мягкотелости и неопытности нового лидера, но не его политических взглядов. Косыгин как-то оговорился: «...Он [Дубчек] очень разбросан, неуравновешен, на некоторые вещи он смотрит просто наивно»⁸. Парадоксально, но будущий лидер чешских реформаторов вырос в СССР. В 1925-ом, когда Саше было всего четыре года, его родители решили отправиться помогать в строительстве первого в мире социалистического государства и вместе с несколькими чешскими, словацкими и венгерскими семьями создали во Фрунзе кооператив «Интергельпо», ставший одним из самых передовых хозяйств Киргизии. Потом семья переехала в Горький. Будущий руководитель КПЧ с первого класса учился в обычной советской школе и, естественно, прекрасно знал русский язык. На родину Дубчек возвратился перед мировой войной и сразу вступил в ряды ушедшей в подполье компартии. Принимал активное участие в Словацком национальном восстании, дважды был ранен, его брат погиб. После войны Дубчек получил юридическое образование, а в 1958 году «перспективный кадр» из Словакии окончил ещё и Высшую партийную школу, где его «однокашником» был Михаил Горбачёв.⁹ Учеба в Москве была пропуском в партийную элиту, и по возвращении Дубчек почти сразу вошел в состав ЦК КПЧ, довольно быстро возглавил словацких, а потом и чешских коммунистов. Но пост президента остался за Новотным.

Чехословакию охватила запоздавшая «оттепельная» эйфория. Как-то незаметно стало можно говорить и писать то, за что еще недавно грозило суровое наказание. Открыто публикуются «нежелательные» произведения Милана Кундеры и Вацлава Гавела, снимают свои первые фильмы Милош Форман и Вера Хитилова. Партийные вожди продолжали клясться в верности идеалам марксизма и ленинизма, но дух свободы поймал их в свои сети. СМИ и общественные организации стали жестко критиковать «консерваторов», вспоминая им времена репрессий. Повсеместно проходили массовые собрания и демонстрации. На этом фоне реформаторам было легче победить и в аппаратной борьбе. В последних числах марта Новотный ушел в отставку, а президентом

⁷ Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. Отв. ред. Новопашин Ю.С. Ред.-сост. Желицки Б.Й. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 148.

⁸ Пихоя Р.Г., указ. раб. С. 277.

⁹ Интересно, что еще раньше, во время учебы в Университете М.С. Горбачев подружился с другим видным деятелем «Пражской весны» Зденеком Млынаржем, и они пронесли тесные отношения через всю жизнь. Не поэтому ли многие лозунги «Пражской весны» – демократизация, плюрализм, гласность – вновь зазвучали в годы советской «перестройки»?

стал генерал Людвик Свобода. Он воевал с первой мировой войны. Был призван в австро-венгерскую армию, но добровольно перешел на сторону России. Награжден двумя Георгиевскими крестами. В годы Гражданской командовал батальоном Чехословацкого корпуса в Сибири, в 20-30-е служил в Чешской армии. После фашистской оккупации бежал в Польшу, потом оказался в СССР. Прошел лагеря. В 1942 добился разрешения на формирование чехословацких подразделений в составе Красной армии. Прошел от Харькова до Праги, командовал корпусом. После войны был министром обороны страны. В среде советской интеллигенции тогда стал популярен каламбур: «Когда Новотный дал Дубчека, в Чехословакии настала Свобода».

Буквально через несколько дней, без согласования с Москвой, председателем правительства ЧССР был назначен Олдржих Черник, а председателем Национального собрания избран Йозеф Смрковский. Были заменены министры обороны и внутренних дел, генеральный прокурор и председатель КГБ. А вскоре была опубликована «Программа действий», которую разработали соратники Дубчека, видные деятели КПЧ Радован Рихта, Ота Шик и Павел Ауэсперг. По сегодняшним меркам, ничего крамольного в этом документе не было, но тогда многие его положения казались откровенной ересью. Прежде всего, речь шла о демократизации и гласности, о допустимости плюрализма мнений и возможности публичного обсуждения государственных проблем. В качестве механизма, предлагалось полностью упразднить цензуру, выстроить настоящую, а не фиктивную многопартийную систему, реально передать власть на местах трудовым коллективам и местным органам. Естественно, что многопартийность подразумевала и настоящие конкурентные выборы. Планировалась ослабить пограничный контроль с Западом, сделать страну более открытой миру. Мысль о том, что граждане Чехословакии смогут спокойно ездить по Европе, а в страну хлынет поток западных туристов, буквально вдохновляла чехов и словаков.

Дубчека и его товарищей вызвали «на ковер» в Москву. Официально это был «дружеский визит» с неременными братскими объятиями и поцелуями, на деле же, суровое указание одуматься. Дубчек оправдывался, просил не волноваться, обещал не переходить «красную линию». Но сделать это было почти невозможно – страна буквально выходила из-под контроля властей. Люди почувствовали себя гражданами, все говорили о политике, строили планы на будущее. Многие в Чехословакии впоследствии вспоминали, что те весенние и летние месяцы были самым счастливым временем их жизни. В СМИ шла открытая дискуссия о политических свободах, и становилось понятно, что в своих ожиданиях люди оказались гораздо радикальнее, чем рассчитывали коммунисты-реформаторы. «Точкой невозврата» стала публикация манифеста «Две тысячи слов, обращенных к рабочим, крестьянам, служащим и ученым, художникам и всем остальным», который вышел 27 июня сразу в четырех ведущих газетах страны (*Mladá fronta, Práce, Zemědělské noviny (Сельская газета) a Literární listy*). Инициатива его создания принадлежала нескольким ученым из Академии наук, в том числе знаменитому химику, изобретателю силикона и мягких контактных линз Отто Вихтерле, а литературную форму тексту придал писатель и журналист Людвик Вацулик. Под манифестом стояли подписи 70 видных деятелей науки и культуры. Этот документ выражал общественное, а не партийное мнение относительно реформ, и был несравнимо жестче, нежели публичные высказывания лидеров страны. Партийному руководству

нужно было делать выбор – они со своим народом или с советскими товарищами по партии. Сделать его оказалось не просто.

В середине июля руководители стран социалистического лагеря опубликовали гневное открытое письмо чешским товарищам, а в последних числах месяца в приграничном городке Чьерне-над-Тисоу состоялась еще одна встреча Брежнева и Дубчека – Леонид Ильич все еще надеялся, что «Саша одумается». Ситуация могла развиваться по «польскому» или «венгерскому» сценарию 1956 года и зависело это в первую очередь от самого чешского руководства: либо оно само наводит порядок, либо в дело вступают войска Варшавского договора. Реакция Дубчека доподлинно не известна – по советской версии, он сказал «делайте, что хотите», хотя позже сам он эти слова опровергал.

Для формирования правильного «общественного мнения» в социалистических странах началась пропагандистская компания, направленная против чехословацкого руководства. Ежедневно в передовицах центральных газет появлялись гневные письма от трудовых коллективов и партийных боссов разных социалистических стран, по радио и телевидению рассказывали о том, что Прага наводнена прибывшими под видом туристов американскими диверсантами и «западногерманскими реваншистами». События подавались так, будто несчастный чехословацкий народ оказался заложником у «ревизионистов» и «наймитов мирового империализма», которые стремятся оторвать страну от социалистического лагеря. И постоянно звучали просьбы «настоящих чехословацких коммунистов», «здоровых сил в чехословацком руководстве» и целых «трудовых коллективов» об оказании «братской помощи» и наведению порядка. Нагнетание обстановки должно было, в том числе, показать чешским реформаторам, что ситуация близка к критической, и им срочно нужно остановиться. После последней встречи Дубчека и Брежнева прошло три недели, ситуация не менялась. В Праге побывали Косыгин и, как недвусмысленный намек, венгерский лидер Янош Кадар. Он говорили, что счет идет на дни и часы. Рассчитывать на реальную помощь запада Чехословакии не приходилось (это был разгар войны во Вьетнаме), разве что, на сочувствие европейской общественности. Уолт Ростоу, советник президента США Линдона Джонсона по вопросам национальной безопасности, утверждал: «Мы изо всех сил стремились избежать впечатления, что поощряем происходящее в Чехословакии, все начинания ее партии и правительства»¹⁰. 18 августа в Москве состоялась встреча глав социалистических государств, основным вопросом на которой была ситуация в Чехословакии. Ждали Дубчека и его сподвижников, но они не приехали. Товарищеский диалог окончился.

В ночь с 20 на 21 августа полумиллионная группировка пяти стран Варшавского договора пересекла границы Чехословакии. Моторизованные части войск СССР, ГДР, Польши, Венгрии и Болгарии быстро двигались с разных сторон, занимая ключевые позиции и блокируя подразделения чехословацкой армии. На аэродромы был высажен воздушный десант, туда стали прибывать самолеты с техникой и бойцами. Как только стало известно о начале вторжения, руководство Чехословакии обратилось к народу с воззванием, подготовленным заранее: «Президиум ЦК Коммунистической партии

---

¹⁰ Лавренов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ • Астрель, 2003. С.320.

Чехословакии призывает всех граждан нашей республики не оказывать сопротивления. Поэтому наша армия, органы безопасности и народная милиция не получили приказа оборонять страну».¹¹ Непосредственно перед вторжением министр обороны СССР А.А. Гречко позвонил своему чехословацкому коллеге М. Дзуру и, предупредив о готовящейся акции, предостерег от оказания сопротивления. Об этом рассказал генерал И. Г. Павловский, руководивший операцией «Дунай». В выражениях маршал не стеснялся: «Если с их стороны будет хоть один выстрел, я его повешу на первой же осине»¹². Двухсоттысячная чехословацкая армия осталась в казармах. Однако простые чехи и словаки не могли спокойно наблюдать за оккупацией своей родины. Уже ночью безоружные люди стали выходить на шоссе и перекрывать дороги, пытаясь своими телами закрыть проход войскам. В Праге десятки тысяч собрались защитить здание ЦК и радиокомитета, откуда, не прекращаясь, шли передачи свободного чешского радио. Соорудили баррикады. Советские солдаты получили приказ открыть огонь, появились первые погибшие. Конечно, безоружные горожане не в состоянии были долго противостоять десантникам, и они ворвались в здание. Дубчек и другие члены ЦК были арестованы и самолетом отправлены в Москву. А вот радио продолжало работу – сотрудники успели перейти в секретную резервную студию.

Утром на перекрестках городов стояли танки и бронетранспортеры, по улицам ходили усиленные вооруженные патрули частей Варшавского договора. Фактически, это была оккупация, хотя на словах советские лидеры продолжали утверждать, что они лишь оказывают «братскую помощь чешским товарищам». Но люди не уходили с улиц. Часть горожан пытались объяснить солдатам, что чехи не враги советской системе, что реформы были поддержаны всем народом. На танках рисовали цветы, угощали солдат пивом и сигаретами. Командиры и политработники даже получили приказ минимизировать контакты бойцов с местным населением. Но были и те, кто не скрывал своего негодования - кое-где в советские автомашины летели камни, а в танки бутылки с «коктейлем Молотова». В городах люди перегораживали улицы трамваями и автомобилями, накрывали смотровые щели танков и БТР тряпками. На домах стали появляться лозунги «Иван, уходи домой», «Ленин, проснись – Брежнев сошел с ума», «Отец — освободитель. Сын – оккупант» и т.д.¹³ Хотя настоящих боев не было, солдаты не раз применяли оружие для самообороны. В результате различных инцидентов и несчастных случаев в период с 21 августа по 3 сентября 1968 года погибло 11 военнослужащих армий стран Варшавского договора, в том числе один офицер. Было ранено и травмировано 87 человек, в том числе 19 офицеров. Кроме того, 85 человек погибло в авиакатастрофах, авариях, при неосторожном обращении с оружием и боевой техникой, в результате других происшествий и умерло от болезней. С 21 августа по 17 декабря 1968 года погибли 94 и получили тяжелые ранения 345 граждан Чехословакии.¹⁴

---

¹¹ Между этими двумя фразами было написано: «так как оборона наших границ невозможна». Однако партийным руководителям показалось опасным упоминание о невозможности вооруженного сопротивления. – См.: Млинарж З. Холодом веет от Кремля. – Нью-Йорк: Проблемы Восточной Европы, 1988. С. 173. (Прим. отв. ред.)

¹² Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. С. 176.

¹³ Млинарж З., указ. раб. С. 230.

¹⁴ Лавренов С. Я, Попов И. М., указ. раб. С. 330.

Победители собирались действовать по старому проверенному сценарию: «в обозе» армии ехало правительство «настоящих патриотов», во главе с Алоисом Индрой и Василем Биляком. Но обезглавленное руководство ЧКП не смирилось и в первые дни оккупации - 22 августа - сумело провести полуподпольный внеочередной съезд в Высочанах, на котором члены «промосковской группы» остались в меньшинстве. А когда предполагаемый глава «временного революционного правительства» Индра пришел к президенту Свободе (по Чехословацким законам, правительство утверждал президент страны), старый воин просто выгнал его из своего кабинета. Незадачливым «министрам» пришлось укрываться в Советском посольстве.¹⁵ XIV съезд ЧКП обратился ко всем социалистам и коммунистам мира с просьбой осудить агрессию, и их призыв нашел отклик у правительств Румынии, Югославии, Албании, Китая, большинства западных компартий и почти всех стран третьего мира. Западноевропейская общественность тоже активно критиковала вторжение. Несмотря на полный военный успех, союзникам пришлось искать новые политические ходы. 23 августа остававшееся на свободе чехословацкое руководство в полном составе вылетело в Москву.

На переговоры в Кремль привезли также представителей «здоровых сил» - Индру, Биляка, Гусака и пр. Доставили и задержанных ранее членов ЦК во главе с Дубчеком, которые жили на охраняемой правительственной даче. Впрочем, в сложившихся обстоятельствах встреча походила не столько на дискуссию, сколько на объявление условий капитуляции. Реальные споры состоялись чуть ранее, когда свою позицию пыталось сформулировать советское руководство. Варианты обсуждались разные, победила более уравновешенная позиция Брежнева и Косыгина – обойтись без репрессий и свернуть реформы руками самих реформаторов.¹⁶ По воспоминанию секретаря президиума ЦК КПЧ Зденка Млынаржа, когда текст «Программы выхода из кризисной ситуации», более известной как «Московский протокол», уже был готов и согласован, Дубчек долго сопротивлялся, а в какой-то момент даже сорвался на истерику: «А я не подпишу! Пусть делают со мной, что хотят — не подпишу!». Лишь после долгих уговоров товарищей и укола врачей, он смирился и подписал документ.¹⁷ А вот председатель Национального фронта Франтишек Кригель – военный врач, ветеран кампаний в Испании и Китае – наотрез отказался ставить свою подпись. Его под охраной отправили на Лубянку, остальных повезли в аэропорт. Но Дубчек, Свобода и другие члены делегации улетать без своего товарища наотрез отказались, угрожая отозвать свои подписи. И Кригеля срочно доставили к самолету.

Дубчек остался во главе политбюро, большинство его товарищей (кроме Кригеля) сохранили свои позиции. Но все значимые преобразования были отменены, а реформы свернуты. Под нажимом из Москвы постепенно, в течении года-двух, реформаторы под разными предлогами были устранены из руководящих органов. Дубчека сначала отправили послом в Турцию, но в уже в 1970-м году он был исключен из партии и переведен на работу в систему словацкого лесного хозяйства, где трудился до пенсии. Главой партии уже в апреле 1969 года стал Густав Гусак, в 1975-ом он же сменил на посту президента Людвика Свободу.

¹⁵ Chapman C. August 21st. The Rape of Czechoslovakia. N.Y., 1968. P. 38.

¹⁶ Пихоя Р.Г., указ. раб. С. 303-304.

¹⁷ Млинарж З., указ. раб. С. 281.

3.3 «За вашу и нашу свободу»

25 августа 1968 года, в тот день, когда в Кремле решалась судьба правительства Александра Дубчека, к Лобному месту на Красную площадь с лозунгами в поддержку чешских реформаторов вышли восемь советских граждан – Константин Бабицкий, Татьяна Баева, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг. Они держали чешские флажки и вполне недвусмысленные лозунги: «За вашу и нашу свободу», «Мы теряем лучших друзей», «At' žije svobodné a nezávislé Československo!» («Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!»), «Позор оккупантам!», «Руки прочь от ЧССР!», «Свободу Дубчеку!». Акция продолжалась лишь несколько минут, потом милиционеры и сотрудники в штатском жестоко избили демонстрантов и увезли в отделение. Эти семь человек (Татьяну Баеву отпустили, приняв за случайную прохожую, поэтому осужденных участников было семь) спасли честь страны, руководство которой совершило преступление. Как написала чешская газета «Literární listy»: «Семь человек на Красной площади — это, по крайней мере, семь причин, по которым мы уже никогда не сможем ненавидеть русских».

Это было самое смелое и яркое, но далеко не единственное выступление советских граждан в поддержку «Пражской весны». В некоторых местах появились листовки с осуждением агрессии (например, в писательских домах на Соколе, в общежитии МГУ на Ленинских горах¹⁸). Евгений Евтушенко, узнав о вводе войск, написал стихотворение «Танки идут по Праге», которое разошлось в «самиздате»¹⁹:

Танки идут по Праге
в закатной крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета...

Твардовский на полях своей «рабочей тетради» в те дни написал знаменитые строки, отражавшие мысли многих:

Что делать нам с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб написать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречает в шестьдесят восьмом...

Булат Окуджава откликнулся аллегорической «Песенкой о гусাকে», а Александр Галич жестким текстом баллады «Бессмертный Кузьмин», где речь идет о вечном стукаче, образ которого возвращает слушателей в сталинскую эпоху. Намек автора очевиден: «Был май

¹⁸ [Электронный документ] Хроника Текущих Событий, выпуск 9. 1969, 31 авг., www.memo.ru/history/diss/chr/chr9.htm (дата обращения 19.08.2020).

¹⁹ «Самиздат» - формы неподцензурного распространения литературных, публицистических и иных текстов в СССР (Прим. отв. ред.)

без края и конца, Жестокая весна!». Как и вывод: «Граждане, Отечество в опасности! Наши танки на чужой земле!».

Но массовой общественной реакции на ввод войск не было, или она была пассивно-одобрительной. Учитывая тотальную пропаганду и отсутствие альтернативных источников информации («вражеские голоса»²⁰ слушали не многие), иного и быть не могло. Кроме того, идеологический отдел ЦК и КГБ начали серьезную работу по выявлению нелояльных и репрессиям по отношению к таковым. Повсеместно проходили собрания трудовых коллективов, партийные и комсомольские собрания, на которых предлагалось подписать петиции с осуждением политики чехословацких оппортунистов – по сути, людей вынуждали стать идеологическими соучастниками вторжения. Отказавшиеся подвергались репрессиям. Корней Чуковский вспоминает в своем дневнике, как к нему пришла студентка, которая на вопрос, с кем она общается в институте, ответила, что всех талантливых студентов и ее друзей исключили, поскольку они отказались подписать петицию о поддержке братской помощи чехословацкому народу²¹. Людям предлагалась сделка с собственной совестью. Некоторые старались уклониться – уехать, заболеть. Другие находили силы и отказывались. Так, например, поступил и Константин Симонов, Александр Твардовский, Родион Щедрин – композитор и муж Майи Плисецкой, Людмила Улицкая²². Но нашлись и 95 человек, которые не побоялись подписать письмо в защиту семерых арестованных, хотя громких имен среди подписантов стало уже меньше – актер Игорь Кваша, писатель Виктор Некрасов...

Бесспорно, это был переломный момент – власть перешла в наступление, которое было продумано и хорошо подготовлено. На пленуме ЦК КПСС 27 апреля 1973 года председатель КГБ Ю.В. Андропов сказал: «Идеологические диверсии осуществляются в самых различных формах: от попыток создания антисоветских подпольных групп и прямых призывов к свержению Советской власти (есть еще и такие) до подрывных действий, которые проводятся под флагом «улучшения социализма», так сказать, на грани закона». ²³ Поскольку действия «на грани закона» порой были сложно доказуемыми, указом Президиума Верховного Совета РСФСР в УК РСФСР была внесена статья 190-3, предполагающая уголовное наказание за «распространение измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Очевидно, что под понятие «измышления» можно было подвести практически что угодно, поэтому стало возможно наказывать за действия, в которых события преступления не существовало.

Реальное ужесточение репрессий стало ощущаться с зимы 1967-68 годов. В январе серьезные сроки получили составители посвященной процессу Синявского-Даниэля «Белой книги» А. Гинзбург (уже отсидевший за «Синтаксис»), Ю. Галансков и

²⁰ Клише «вражеские голоса» – один из символов «холодной войны», обозначало программы иностранных радиостанций, вещающих на территорию СССР на русском языке такие, как «Голос Америки», Радио «Свобода», «Немецкая волна» и др. (Прим. отв. ред.)

²¹ Чуковский К.И. Дневник. 1901 - 1969. Том 2. М.: Советский писатель, 1994, С. 541.

²² Гланц Т. Позор. О восприятии ввода войск в Чехословакию в литературных и гуманитарных кругах // Новое литературное обозрение, 2011. № 5. С. 76-90.

²³ Речь Ю.В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС. 27 апреля 1973 г. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ (1917-1991). Справочник. М.: МФД, 2003. С. 753.

А.Добровольский. Но в день вынесения приговора, 12 января, несмотря на мороз у здания суда собралось более сотни человек, а письма в защиту арестованных подписали более семи сотен. Люди еще не боялись выражать свое мнение, надеялись быть услышанными. Следом пошли репрессии в отношении активистов – в феврале составители первого номера «Хроники текущих событий» А. Вольпин и Н. Горбаневская были принудительно госпитализированы в психиатрическую больницу. Несмотря на это, в апреле журнал все же вышел, а со временем «Хроника» стала самым известным и популярным брендом «самиздата».

Ужесточение режима происходило на фоне событий в Чехословакии и, конечно, эти процессы были взаимосвязаны, хотя и не вытекали один из другого. Скорее можно говорить, что чехословацкие события помогли «консерваторам» (сторонникам «закручивания гаек») в Политбюро взять верх над условными «прогрессистами» (поборниками перемен и частичной демократизации). Режиссер Андрей Кончаловский вспоминал, как встречал на московском аэродроме своего друга Николая Шишлина, который был консультантом международного отдела ЦК и прилетел после переговоров в Чиерны-над-Тиссой. Шишлин четко расставил акценты: «Все, мы погибли! Все, что мы двадцать лет делали, пропало. Мы ползли в темноте к окопам неприятеля (сталинистов), а Дубчек, козел, решил, что уже время. Вскочил и закричал: «Ура!» Они нас всех накрыли. Всех!»²⁴. В течении нескольких последующих лет «либеральная» партийная группировка была устранена с определяющих внутреннюю политику позиций. Например, заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС В. Степаков был отправлен послом в Югославию, его заместитель и преемник А. Яковлев на аналогичную должность в Канаду.

В 1969 году «ренессанс сталинизма» был фактически узаконен в ходе широкого празднования 90-летия Сталина. Первым еще в начале года выступил журнал «Коммунист», публично объявивший Иосифа Виссарионовича «борцом за дело рабочего класса» и «выдающимся полководцем». В сентябре–октябре журнал «Октябрь» опубликовал роман Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?» – настоящий панегирик «отцу народов». «В чем тут криминал – быть сталинистом?» – вопрошает один из героев романа. Публикация вызвала в обществе нешуточную дискуссию, разделило людей на сторонников «твердой руки» и тех, кто считал реабилитацию сталинской политики недопустимой. На имя Брежнева в ЦК КПСС снова посыпались письма от академиков, писателей, старых большевиков. Власть засомневалась: 21 декабря в «Правде» редакционная статья «К 90-летию со дня рождения И.В. Сталина» все же вышла, но лишь в подвале второй страницы. О репрессиях в материале не упоминалось, однако говорилось, что «культ личности» принес вред, хотя «не изменил и не мог изменить природы социалистического общества». Официально решения XX и XXII съездов никто не отменял, но ползучая реабилитация сталинизма продолжилась. Генералиссимус вернулся на страницы учебников (а также кинофильмов, спектаклей, книг и т.д.), а вот упоминания о репрессиях и лагерях, наоборот, из них исчезали. Как и произведения, где упоминался ГУЛАГ. В 1969 году ЦК КПСС принял постановление «О повышении ответственности органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара», после чего многие произведения попали в разряд «запрещенных» или

²⁴ Кончаловский А.С. Низкие истины. Возвышающий обман. М.: Эксмо, 2014. С. 33.

«нежелательных». В том числе и те, которые ранее издавались вполне официально. Их не переиздавали, или выпускали очень маленькими тиражами, изымали из библиотек, вычеркивали из антологий и школьных учебников. Спектакли выводили из репертуара, фильмы ложились на полку. В категорию «нежелательных» попали М. Булгаков, М. Зощенко, Б. Пастернак, Е. Замятин, Е. Гинзбург, А. Платонов, М. Цветаева, А. Ахматова, многие поэты «серебряного века» и т.д. Любой литератор или режиссер, точка зрения которого не совпадала с официальной, тоже моментально оказывался под запретом – А. Солженицын, В. Войнович, В. Некрасов, А. Тарковский, И. Бродский, В. Аксенов, А. Галич и т.д. Список нежелательной литературы был чрезвычайно обширен, но не конкретизирован, и каждому «ответственному лицу» предлагалось определять степень опасности того или иного произведения под страхом репрессивных мер или «профилактических бесед» сотрудников КГБ. Большинство предпочитали перестраховываться.

Под жесткий идеологический пресс попали общественные науки, прежде всего, философия и история. Идея была чрезвычайно проста – искоренить проявления методического инакомыслия или научных сомнений, не допустить трактовок, которые не вписывались в официальную идеологию. Отвечал за это отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС, руководимый соратником Брежнева по работе в Молдавии С.П. Трапезниковым, догматизм и нетерпимость которого стала притчей во языцех. Ученые были поставлены в жесткие идеологические рамки, заподозренные в недостаточной лояльности безжалостно изгонялись из профессии. Так был буквально разогнан под видом реорганизации Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР — первый в стране социологический институт. Ведущие ученые (Ю. А. Левада, И. С. Кон, А. А. Галкин и др.) были уволены, а основатель и директор института академик А. М. Румянцев был вынужден подать в отставку. Было фактически уничтожено «новое направление» в исторической науке, лидерами которого были П. В. Волобуев (директор Института истории Академии наук СССР), К. Н. Тарновский, И. Ф. Гиндин, М. Я. Гефтер. Вся вина ученых заключалась в том, что они старались пересмотреть жесткие догматические схемы, сложившиеся в сталинское время, но в ЦК посчитали это опасным. Многие историки лишились работы, их труды перестали печатать. Характерным примером стала ситуация с монографией А. А. Зимина «Слово о полку Игореве», в которой автор пытался доказать, что произведение написано в XVIII веке. Большинство коллег были не согласны с его точкой зрения, но вместо аргументированной дискуссии по инициативе партийных органов состоялось закрытое судилище (в зал заседания ученого совета пускали только по специальным приглашениям), а книгу запретили к печати. На всякий случай²⁵.

В 1969 году началась компания против «Нового мира» и Александра Твардовского. Журнал всегда раздражал «консерваторов» своей позицией, но авторитет главного редактора позволял ему сохранять относительную независимость. Изменилась ситуация после публикации на Западе и в нашем «самиздате» поэмы «По праву памяти», написанной как ответ на «ренессанс сталинизма». Цензура запретила ее публикацию, после чего текст «ушел» за границу. Твардовский уверял, что это произошло без его

---

²⁵ Подробнее см.: Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992.

участия и разрешения, но это не помогло. Не спасли и письма коллег-писателей в ЦК и лично Леониду Ильичу. Увольнение популярного поэта могло вызвать много шума, поэтому Твардовского буквально выжимали из «Нового мира»: без согласования в заместители назначили незнакомого ему человека, Главлит (Главное управление по охране государственных тайн в печати) не пропускал лучшие материалы, из состава редколлегии вывели нескольких соратников и друзей поэта. В итоге, в начале 1970 года Александр Трифонович написал заявление об уходе, которое было немедленно принято. А через год он скончался. «Есть много способов убить поэта, – писал А. Солженицын в очерках «Бодался теленок с дубом». – Твардовского убили тем, что отняли “Новый мир”».²⁶

А потом настала очередь и самого Солженицына. Характерно, что за «Один день Ивана Денисовича» (опубликован в «Новом мире» № 11 за 1962 год) его приняли в Союз писателей, а за другую книгу, посвященную сталинским застенкам – «Раковый корпус» — его из Союза изгнали. Позиция Солженицына не изменилась, но изменилось время. «В круге первом» и «Раковый корпус» не публиковались в СССР, но были напечатаны за границей и распространялись в «самиздате». Произведения писателя были изданы в 28 странах. В 1970 ему присудили Нобелевскую премию, но на вручение он не поехал, опасаясь, что назад его не пустят (такой план был, его ЦК предложил Андропов). Солженицын был постоянно под наблюдением, им занималось специальное оперативное подразделение КГБ, тем не менее, ему удавалось переправлять на запад свои новые произведения. В 1972-м в Париже вышел «Август Четырнадцатого», потом «Архипелаг ГУЛАГ». В ответ в «Правде» были опубликованы открытые письма («письмо академиков» и «письмо писателей»), где Солженицына называли «литературными власовцем» и требовали выдворить из страны. Секретаря писателя Елизавету Воронянскую чекисты довели до самоубийства. Против писателя завели уголовное дело по обвинению в государственной измене, и только под угрозой длительного тюремного заключения, он согласился покинуть СССР. Солженицына лишили советского гражданства, все его произведения были запрещены и изъяты из библиотек. В дальнейшем практика насильственного выдворения из страны нелояльных власти людей будет широко применяться КГБ. Порой хватало слежки (как элемента давления) и «доверительных» бесед с сотрудниками органов, в других случаях информация о грозящей опасности передавалась через знакомых, и людям настоятельно не рекомендовали возвращаться. Вынужденно покинули родину или не вернулись (вольно или не вольно) из поездок за границу И.Бродский, М.Барышников, Ж.Медведев, М.Растропович и Г.Вишневская, А. Галич, Э. Неизвестный, М. Шемякин А.Гинзбург, В.Некрасов, В.Войнович, Э.Лимонов, В.Аксенов, Ю.Любимов А. Тарковский, Л.Алексеева и многие, многие другие. Страна теряла творческий потенциал, но власти важнее было укрепление режима.

В уже упомянутом открытом письме в «Правде», речь шла и об академике Сахарове, который тоже был почти официально причислен к врагам Советской власти. Но отпустить на Запад создателя водородной бомбы было невозможно по соображениям секретности, а репрессировать опасно из-за возможного шума – все-таки трижды Герой Социалистического труда, лауреат Сталинской и Ленинской премий, академик, а с 1975

²⁶ Солженицын А., указ.раб. С.267.

года еще и лауреат Нобелевской премии мира. К тому же, Сахаров выступал скорее с правозащитными, нежели антисоветскими лозунгами, и к свержению режима никогда не призывал. В открытом письме к руководителям государства, написанном совместно с В.Турчиным и Р.Медведевым 19 марта 1970 года, Сахаров излагал свое видение стоящих перед страной проблем, но все решения авторы предлагали в рамках действующего строя: «Источник наших трудностей – не в социалистическом строе, а, наоборот, в тех особенностях, в тех условиях нашей жизни, которые идут вразрез с социализмом, враждебны ему. Этот источник – антидемократические традиции и нормы общественной жизни, сложившиеся в сталинский период и окончательно не ликвидированные и по сей день»²⁷.

Вместе с физиками А. Твердохлебовым и В. Чалидзе, Сахаров создал Комитет прав человека, чуть позже в него вошел также член-корреспондент АН СССР А. И. Шафаревич. Сахаров позволял себе публично апеллировать к международной общественности, что чрезвычайно раздражало Кремль. В ЦК неоднократно обсуждали «проблему Сахарова», но предпочитали не применять репрессивных действий к столь уважаемому в мире человеку. Лишь в 1980 году после жесткого выступления против афганской авантюры Сахаров будет сослан под надзор милиции в Горький.

В начале семидесятых был нанесен мощный удар по диссидентскому движению. Несмотря на то, что многих активных участников осудили еще в 1968-69 годах, движение не прекратило свое существование. Даже после ареста Н. Горбаневской выходила «Хроника текущих событий» (она редактировала первые 10 номеров), была налажена система печати и распространения «запрещенной» литературы. Прежде всего, это были сводки правозащитной информации из разных уголков страны, сообщения о процессах, судах и приговорах в отношении правозащитников. Важный блок составляли статьи и письма в защиту осужденных по политическим мотивам. В «самиздат» ушли труды Сахарова, Шафаревича, Р. Медведева и т.д., здесь публиковались «открытые письма» и запрещенные научные произведения, например, книги Л.Н. Гумилева, Ж.А. Медведева и др. Но большую часть самиздата составляла художественная литература от поэтов «серебряного века», до современных Солженицына, Галича, В. Высоцкого, Б. Окуджавы и т.д. В создании и распространении самиздата принимали участие сотни, если не тысячи людей в разных городах, причем, далеко не все они считали себя противниками советской власти. Многих привлекала возможность читать интересную литературу, общение с умными и образованными людьми, романтика подполья. Мир «самиздата» начала семидесятых был весьма разнороден.

В КГБ прекрасно знали имена активистов диссидентского движения, поскольку большинство из них участвовали в открытых акциях и взглядов своих не скрывали. Но диссиденты использовали исключительно ненасильственные методы, к свержению существующего строя открыто не призывали, а требовали лишь соблюдения гражданских прав и свобод, прописанных в конституции СССР. Чтобы «организовать» для них

---

²⁷ Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е. В 3-х томах. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований. 2005. Том 2. Стр.326.

уголовное дело, сотрудникам Комитета нужно было придумать что-то неординарное, например, взять с полочным при изготовлении или распространении запрещенной литературы. Эффект от таких операций был не слишком значительный – люди, вставшие на путь противостояния режиму, обычно были готовы к таким ситуациям и товарищей не выдавали. Однако, в 1972 году КГБ удалась удивительно результативная операция, которая вошла в историю как Дело № 24 - следствие над лидерами Московской инициативной группы по защите прав человека в СССР П. Якиром и В. Красиным. Квартира Якира служила штабом сбора информации для «Хроники текущих событий» и оперативники явились туда летом 1972 года. Одновременно прошли обыски еще по нескольким адресам, где часто собирались люди, причастные к изданию ХТС. Петр Якир (сын казненного командарма) провел в лагерях 17 лет, его авторитет в диссидентских кругах был сравним с академиком Сахаровым, однако, устоять перед следователями он не смог. Под угрозой расстрела по статье за госизмену, Якир и Красин дали показания на две сотни своих соратников²⁸ и выступили на пресс-конференции для иностранных журналистов с публичными покаяниями. Р.А. Медведев писал: «Именно в 1973 году диссидентское движение стало раскалываться, и этому было несколько причин. Проблема борьбы против реабилитации Сталина отошла в это время на второй план, и даже общая борьба против политических репрессий и за свободу мнений не могла объединить диссидентов. Многих деморализовала капитуляция Петра Якира и Виктора Красина, которые немало лет являлись центром притяжения для большой группы диссидентов. Позорное поведение Якира и Красина на судебном процессе над ними и на специально собранной пресс-конференции привело даже к самоубийству одного из активных правозащитников - Ильи Габая. Много проблем появилось в наших рядах в связи с возросшими возможностями эмиграции. Это было время разрядки, однако некоторые послабления в сфере эмиграции сопровождались усилением давления и репрессий против многих диссидентских групп»²⁹

Сотни людей оказались под следствием, с тысячами были проведены «профилактические мероприятия» - граждан вызывали в органы и подробно рассказывали, какие кары падут на них и их близких, если они не прекратят свою деятельность. После такой проработки не многие решались вернуться к диссидентству. Это практика была очень распространенной. В 1971-74 годах органами КГБ за антигосударственную деятельность были привлечены к уголовной ответственности 2423 человека, а «профилактированы» за то же время 63108 человек³⁰.

Диссидентское движение получило страшный удар, но сумело выжить. Оно стало более закрытым и радикальным, но постепенно на смену арестованным или уехавшим за границу пришли другие люди. Возобновила регулярные выходы «Хроника», которую теперь вели члены Инициативной группы защиты прав человека в СССР Татьяна Великанова, Татьяна Ходорович, Сергей Ковалев, Александр Лавут, после 80-го года - Юрий Шиханович и Борис Смушкевич. О масштабе «самиздата» можно косвенно судить

---

²⁸ См. подробнее: Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М.: РИЦ «Зацепя», 2001. С.138.

²⁹ Медведев Р.А. Солженицын и Сахаров. М.: Права человека, 2002. С.63–64.

³⁰ Пихоя Р.Г., указ. раб. С.328.

по отчету КГБ за 1975 год, в котором говорилось, что сотрудникам органов удалось конфисковать свыше 290 тысяч идеологически вредных материалов³¹. А сколько же их было всего?

В августе 1975 года Советское правительство, не желая того, помогло правозащитникам, опубликовав в центральной печати материалы Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). В том числе, и обязательства СССР по соблюдению прав человека. Диссиденты откликнулись созданием «Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР» (коротко - Московская Хельсинкская группа), которая взяла на себя миссию по наблюдению за выполнением этих обязательств. Кстати, аналогичные группы возникли и во многих других странах, подписавших договор СБСЕ. В первый состав МХГ вошли Юрий Орлов, Людмила Алексеева, Михаил Бернштам, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Пётр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Анатолий Марченко, Виталий Рубин, Анатолий Щаранский. О создании группы было объявлено на пресс-конференции, проходившей в квартире академика Сахарова. Вскоре группы были созданы в Литве, Армении, Грузии, Украине. Они занимались мониторингом соблюдения прав человека – сбором информации, ее систематизацией, верификацией и приданием гласности случаев нарушения прав советских граждан. Конечно, такая деятельность не могла не вызвать гнев партийных органов и КГБ, поэтому многие члены группы прошли через тюрьмы и психиатрические лечебницы, некоторых вынудили покинуть СССР. Но на их место приходили другие. В 1982 году, когда на свободе оставалось лишь три члена группы, против которых были заведены уголовные дела, МХГ заявила о самороспуске. Только в 1989 году группа возобновила свою работу.

3.4. Парадоксальное время «закручивания гаек» и короткой второй «оттепели»

Усиление репрессивной машины и ее стремительное наступление на гражданское общество не имело цели вернуться к радикальному сталинскому тоталитаризму – жизнелюбивым партийным и советским чиновникам брежневской поры это могло только в страшном сне присниться. Но некоторый сдвиг вправо должен был придать устойчивость государственной системе, которая в хрущевские времена по разным причинам стала менее стабильной. А события в Чехословакии стали катализатором, благодаря которому фракции «консерваторов» в Политбюро оказалось легче победить условных «прогрессистов». Выбор жесткого пути («Вы что, хотите как в Праге?») вынудил партийное руководство развязать руки КГБ, который резко усилился и практически вернул себе позиции ВЧК-ОГПУ-НКВД. Осторожному, но последовательному Ю.В. Андропову удалось создать весьма дееспособную структуру, конкурентоспособную даже на мировом уровне. Можно сказать, что КГБ в семидесятые был таким же советским «брендом» как космос, балет или хоккей. Достигалось это почти безграничными материальными возможностями и разумной кадровой селекцией. Кроме выпускников специальных школ, в Комитет пытались привлекать лучших студентов гражданских ВУЗов, как гуманитарных, так и технических. От сотрудников требовалось не пролетарское происхождение и верность коммунистическим идеалам, как в былые времена, а лояльность власти и профессионализм.

---

³¹ Там же. С.329.

В новой парадигме режим вынужден был опираться на спецслужбы, поскольку единственной идеологической задачей победившей партократии стало удержание власти. Оказавшиеся у государственного руля партийные чиновники стремились к сохранению своих позиций, а вовсе не к революционным прорывам и преобразованиям. В этом был очевидный плюс, поскольку власть старалась избегать критических ситуаций как внутри страны, так и на международной арене. Семидесятые (точнее, период с 1969 по 1979) стали самым миролюбивым и спокойным десятилетием советской эпохи, что уже можно считать достижением. Особенно, для людей, переживших страшную войну, сталинские репрессии и хрущевские пертурбации. Другое дело, что стремление к общественной и государственной стабильности плохо сочеталось с модернистской и революционной, по сути, коммунистической идеологией. Но это была данность, отказаться от которой лидеры партии не могли. В итоге, государственная идеология быстро стала терять смысловую нагрузку и ритуализироваться, приобретая черты государственной религии. Дежурный пафос и демагогичность произносимых на съездах и конференциях торжественных речей с каждым годом был все очевиднее, а бесконечные отсылки к заповедям классиков марксизма-ленинизма походили на цитаты из священного писания. Но люди быстро привыкли жить в атмосфере лицемерия, практически не обращая на нее внимания. Это воспринималось как правила игры, своего рода плата за социальную стабильность, мирное небо, относительное благополучие и уверенность в завтрашнем дне. С детства каждый советский человек попадал в четко выстроенную схему, которая была предсказуемой и понятной. Октябренок – пионер – комсомолец – далее, по желанию. Детсад – школа – институт (техникум, ПТУ) – работа – пенсия. Для большинства советских людей постепенное улучшение качества жизни и стабильность оказались гораздо важнее отсутствия политических и гражданских свобод. А жизнь действительно становилась лучше.

Хотя экономические реформы второй половины 60-х не были доведены до логического завершения, они дали существенный импульс экономике и по многим показателям восьмая пятилетка стала самой успешной в послевоенное время. Сыграли свою роль также разработка месторождений нефти и газа в Западной Сибири (в период с 1970 по 1980 годы добыча нефти в Западной Сибири выросла с 31 млн. до 312 млн. т; добыча газа за этот срок — с 9,5 млрд. до 156 млрд. куб. м.³² и удачная международная обстановка, прежде всего нефтяной кризис 1973 года, после которого западные страны резко увеличили закупки углеводородов из СССР³³. Благодаря этому, в начале 70-х постепенно, но неуклонно росло благосостояние народа – увеличивался жилищный фонд, строились новые школы, поликлиники и детские сады, улучшалось снабжение населения. Большинство молодых семей в городах реально могло рассчитывать на отдельные квартиры, в каждом доме появились телевизоры, во многих семьях – автомобили. Характерный пример: если в 40-е - 50-е годы в СССР выпускались в основном легковые

---

³² Краткая история СССР. В двух частях. Ч. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. М.: «Наука», 1983. С. 582.

³³ 17 октября 1973 года все арабские страны-члены ОАПЕК (*англ.* ОАРЭС – Организация арабских стран-экспортеров нефти), а также Египет и Сирия, заявили, что они не будут поставлять нефть странам (Великобритания, Канада, Нидерланды, США, Япония), поддерживавшим Израиль в ходе Войны Судного дня. Цены на нефть за год выросли в четыре раза.

автомобили представительского класса, рассчитанные на номенклатуру, то после ввода в строй Запорожского (1961-й) и Тольяттинского (1970-й) автозаводов, в стране начался массовый выпуск малолитражек. И уже в 1973 году с конвейера ВАЗа сошли миллионные «Жигули». Советский Союз стал приобретать совершенно не характерные для социалистического государства черты общества потребления. У людей появилась возможность качественного улучшения условий жизни; соответственно, более важную роль стали играть деньги. Молодежь старалась зарабатывать всеми законными способами, например, популярными стали студенческие строительные (а также педагогические, сельскохозяйственные и т.д.) отряды. В этом был определенный цинизм (впрочем, довольно безобидный) и лицемерие: все знали, что у участников сугубо меркантильные цели, но подавалось все как проявление комсомольского энтузиазма с соответствующими атрибутами и лозунгами. Порой сами комсомольские лидеры организовывали такие поездки и уж точно не из альтруизма. Таких людей с АЖП (модный в начале 1970-х термин – «активная жизненная позиция») было достаточно, но большинство предпочитало плыть по течению. Как было принято говорить в те годы: «мы делаем вид, что работаем, а государство делает вид, что нам платит». Гарантированная государством зарплата позволяла существовать, что многих вполне устраивало. Производительность труда была не высока, процветало пьянство, прогулы, переходы с одного места на другое (так называемые «летуны»). Вирус апатии и безразличия принимал масштабы пандемии. Процветала и коррупция, что было неизбежно в «стране вечного дефицита». Возможность распределять материальные блага превращалась в источник заработка, большинство ценных товаров народного потребления (мебель, автомобили, одежда) можно было достать только с переплатой. В стране возник целый пласт людей, которые «умели жить» - имели связи и возможность доставать дефицитные товары. Кроме того, существовала система спецраспределителей, которые снабжали отдельные категории государственных служащих – партийную номенклатуру, сотрудников КГБ и милиции, руководство министерств, академиков, руководителей творческих союзов. Государственная элита жила в особом закрытом мире, со своей медициной, системой снабжения, домами отдыха и т.д.

Отсутствие политической и гражданской повестки, невозможность выразить себя иначе, как в ограниченных рамках официальной идеологии, вынуждали людей мимикрировать или искать другие возможности для применения своих способностей. В основном в тех сферах, которые подразумевают духовный и личностный рост. Многие находили выход в «диком» туризме – альпинизм, походы через леса, сплавы на плотках или байдарках и т.д. Другие уходили в эзотерику, восточную философию, движение хиппи. Естественно, распространялась и западная рок-культура, правда, в СССР она практически утратила дух политического протеста, сохранив лишь любовь к рок-музыке и внешние атрибуты. Получалась парадоксальная, но весьма характерная ситуация: советская молодежь слушала и пела или западную музыку (независимо от стилей), или песни отечественных авторов, которые музыкантами у нас и не считались – так называемых бардов (А. Галич, В. Высоцкий, Б. Окуджава, А. Городницкий, Ю. Визбор, Ю. Ким и т.д.), рокеров (Б. Гребенщиков, А. Макаревич, А. Романов и К. Никольский) исполнителей шансона (А. Розенбаум, А. Новиков, А. Северный) и т.д. Функционеры от культуры делали вид, что андеграунда не существует, поэтому дорога на «большую сцену» и «голубые экраны» была им заказана. Опасались чиновники даже вполне лояльных к власти представителей новой волны советской эстрады – Алла Пугачева и Валерий

Леонтьев казались коммунистам-догматикам верхом неприличия. Ко второй половине 70-х разрыв во вкусах между теми, кто руководил официальной культурой, и теми, кому она была адресована, стал приближаться к катастрофическому. Признание публики получали в основном те произведения, которые были далеки от пресловутого «социалистического реализма» - фильмы Э. Рязанова, М. Захарова, Г. Данелия или Л. Гайдая, театр Ю.Любимова, В. Плучека, Г. Товстоногова или уже упомянутого Марка Захарова. Даже самые знаменитые фильмы тех лет авторам приходилось буквально «пробивать» через цензуру, как было с «Семнадцатью мгновениями весны» (помог Ю. Андропов), или они ложились на полку, как «Проверка на дорогах» Ю. Германа. Огромной популярностью пользовались писатели-юмористы, прежде всего, А. Арканов, А. Инин и М. Жванецкий. Последнего на эстраду пускали редко (хотя вся страна знала его тексты благодаря Аркадию Райкину и дуэту Карцев-Ильченко), зато он был популярен в «магнитофониздате», да и многие высокопоставленные чиновники считали честью приглашать Жванецкого на праздничные застолья. А литературным жанром, который наиболее точно отражал взаимоотношения народа и власти в 1970-е годы, был анекдот (первым эту мысль высказал Дмитрий Быков). Причем, не злой, а, скорее, иронический. В то же время существовала официальная культура, весьма богатая во всех смыслах этого слова. Огромными тиражами издавались «правильные» книги, в духе соцреализма снимались тысячи фильмов, эфир заполнялся бесчисленными патриотическими песнями. Однако, интерес у публики вызывали лишь те образцы культурного мейнстрима, в которых был минимум идеологии – музыкальная классика, балет, ансамбли народного танца и т.д. Не случайно, именно эти направления искусства стали визитной карточкой советской культуры за границей.

Шестидесятые начались ужасом Карибского кризиса, а завершились шоком от вьетнамской войны, вызвавшей беспрецедентное антивоенное движение в США. Америка была настолько заинтересована в улучшении отношений с Советским Союзом, что практически не отреагировала на ввод войск в Чехословакию. В ответ Кремль сократил помощь вьетнамским товарищам и несколько снизил градус агрессии в пропагандистской риторике – советская бюрократическая система тоже не была заинтересована в кризисных ситуациях на международной арене. С 1967 года переговоры между СССР и США шли полным ходом, не только на уровне экспертов, но и глав правительств – А.Н. Косыгин летал за океан и встречался с президентом Линдоном Джонсоном. В последующие годы в Финляндии работала совместная комиссия по сокращению вооружений, а в 1972 году состоялся первый в истории визит американского президента в СССР. Ричард Никсон и Леонид Брежнев подписали Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1). Брежнев еще дважды встречался с Никсоном, потом с Джеральдом Фордом. Отношения у лидеров сложились вполне доверительные, что стало основой для сближения систем³⁴.

Связи между СССР и США активно развивались, хотя спецслужбы обеих стран по-прежнему старались контролировать контакты граждан на частном уровне. Но был успешно проведен космический экспериментальный полет «Аполлон - Союз». И хотя

---

³⁴ Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII-XX века. Автор и составитель Э.А.Иванян. М.: «Международные отношения», 2001. С. 187, 360-361, 576.

Г.Киссинджер предостерег директора НАСА Дж. Лоу от создания у русских идеалистического заблуждения в том, что если космические специалисты СССР и США могут достичь соглашения о сотрудничестве в космосе, то окажется возможным решить и политические проблемы, существующие между двумя странами,³⁵ существовали договоренности между военными о предупреждении непредвиденных ситуаций, снимались совместные фильмы, страны обменивались визитами творческих коллективов. По обе стороны океана с нетерпением ждали боксерских поединков и радовались каждой встрече советских хоккеистов с мастерами НХЛ. Благодаря прямому общению рушились стереотипы «холодной войны», появлялось доверие и понимание. Даже «голоса из-за бугра», как называли вещавшие на русском языке иностранные радиостанции, почти перестали глушить. «Железный занавес» уже не выглядел непроницаемым, а с распространением технологии магнитофонных записей взаимопроникновение культур ушло в народ – люди переписывали друг у друга иностранную музыку и фильмы. Контролировать этот процесс стало почти невозможно, хотя формальные запреты еще существовали.

Казалось, времена острой конфронтации двух систем уже не вернуться, однако вскоре произошел перелом. Возможно, он был связан (или совпал) с тяжелой болезнью Брежнева, которая стала прогрессировать именно в 1975 году. По воспоминаниям лечащего врача Леонида Ильича академика Евгения Чазова, у него быстро развивались симптомы атеросклероза сосудов головного мозга, отягощенные последствиями полученной в годы войны контузии³⁶. Все больше времени Брежнев был практически неработоспособен, он стал плохо говорить, страдал от астении, порой погружался в прострацию. Из-за усугубившейся болезни он потерял способность критически мыслить, стал сентиментален, чем пользовались его окружающие. Появившаяся у него тяга к наградам, возвеличивание своей роли в истории, неспособность противостоять откровенной лести, по сути, были симптомами болезни. По воспоминаниям близких, Брежнев хотел уйти на пенсию, но окружение этого не допустило.

В руководстве страны Леонид Ильич был, наверное, самым миролюбивым человеком, поэтому с его отходом от оперативных дел, решения стали приниматься в несколько иной парадигме. Члены еще сталинского Политбюро Суслов и Косыгин были несравнимо консервативнее Брежнева, а Андропову и Устинову (с апреля 1976 – Министр обороны) позицию «ястребов» диктовали ведомственные интересы. В СССР все острее ощущалось отставание от развитых стран в темпах роста экономики и, как следствие, в увеличении национального дохода. В восьмой пятилетке его среднегодовой прирост составлял 7,5 %, в девятой — 5,8 %, в десятой он снизился до 3,8 %, а в первые годы одиннадцатой составил около 2,5 % при росте населения страны в среднем на 0,8 % в год³⁷. Такое

---

³⁵ См.: Батулин Ю.М. Космическая дипломатия и международное право. Звездный городок: РГНИИЦПК, 2006. С. 71-72.

³⁶ Чазов Е.И. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М.: Новости, 1992. С. 118-159.

³⁷ См.: Заславская Т.И. О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии. Доклад на научном семинаре «Социальный механизм развития экономики» (Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, 4-6 апреля 1983 года). Полный текст: A Voice of Reform / Essays. By Tatiana Zaslavskaya. N.-Y., L. 1989. P.158-184. Краткое изложение см.: «Знание-сила», 1985, № 3.

положение, естественно, отражалось на уровне жизни людей: стали возникать проблемы с продовольственным снабжением, нарастал дефицит товаров народного потребления, заметнее становилась коррупция. Требовалось какое-то объяснение, и самым привычным сценарием для пожилых руководителей страны (большинство членов Политбюро разменяли восьмой десяток) виделся поиск врага на стороне в духе «холодной войны». Страна опять была объявлена в «кольце врагов», контакты с Западом сокращены до минимума, любые дискуссии или сравнения политических систем воспринимались как антисоветская агитация. Пропагандистская машина заработала на всю мощь, «голоса» стали глушить, КГБ активизировала борьбу с инакомыслящими. Короткая «брежневская оттепель» закончилась.

3.5 Афганистан. Не маленькая и не победоносная

В соответствии с новой парадигмой, изменилась и внешняя политика страны. После чехословацких событий 1968 года наши войска не принимали участия в боевых действиях на чужой земле (если не считать мартовские события 1969 года на острове Даманский, который был спорной территорией), но в 1975 году СССР ввязался в гражданские войны в Анголе и Мозамбике. Через два года советские и кубинские советники принимали активное участие в событиях в Эфиопии и Сомали, что закончилось героической эвакуацией из порта Бербера, в котором пришлось бросить самую большую взлетно-посадочную полосу и оборудованную базу ВМФ. А после этого наступила очередь Афганистана.

Началось все с апрельской революции 1978 года, которая положила конец режиму бывшего принца, а потом президента Моххамеда Дауда. Лидерами восстания считались представители Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) Нур Мухаммед Тараки, Бабрак Кармаль, Хафизулла Амин, доктор Шах Вали и другие. Правда, когда начался переворот, все они были арестованы, но верные им воинские подразделения все же смогли захватить контроль в стране. Развитие событий скорее напоминало армейский мятеж, нежели народное восстание. К власти в граничащей с СССР стране пришло социалистическое правительство, однако, в Москве этот исторический момент... проспали. Что является отличным свидетельством уровня информированности Кремля относительно афганских дел в те времена.

Повстанцы представляли весьма широкий политический и племенной спектр, и вполне закономерно совместные действия против общего врага сменились борьбой за власть между самими революционерами. Поначалу они смогли создать коалиционное правительство: основатель и лидер НДПА Тараки стал главой государства и премьер-министром, Кармаль – его заместителем, Амин – министром иностранных дел и т.д. Однако, вскоре выяснилось, что будущее страны представляется им по-разному. В славных революционных традициях, Тараки повел безжалостную борьбу не только с классовыми врагами- землевладельцами, которых тысячами расстреливали без суда, но и с оппозицией в руководстве партии и страны. Лидеры фракции «Парчам» («Знамя») были сняты с важных государственных постов и отправлены на дипломатическую работу: Бабрак Кармаль в Чехословакию, Мохаммед Наджибула в Иран, возглавлявший министерство внутренних дел Нур Ахмад Нур в США, министр социального обеспечения Анахита Ратебзад в Югославию и т.д. Тараки затеял масштабные и, в принципе,

прогрессивные реформы – проводилась национализация земли и передача ее крестьянам, были запрещены принудительные браки и введен минимальный возраст для вступления в брак, началась ликвидация тотальной безграмотности и т.д. Но здесь довольно цивилизованный для своего времени афганский город столкнулся со средневековой деревней. Социалистическая пропаганда оказалась бессильной перед огромным влиянием исламского духовенства, силой традиций и чудовищной отсталостью простых дехкан. Реформы шли с трудом, крестьяне воспринимали их как попытку разрушить традиционный мусульманский уклад и насильственное насаждение западной культуры. У революционеров просто не хватало сил, поскольку 86% населения страны жили в деревнях, а 2,5 миллиона вели кочевой или полукочевой образ жизни³⁸. Усугубляла положение религиозная и этническая разнородность населения (45% населения составляли пуштуны, около 35% – таджики, а еще в стране жили узбеки, хазарейцы, киргизы, нуристанцы, белуджи и т.д.; подавляющее большинство афганцев исповедовали ислам, но часть в шиитском (около 20%), а остальные в суннитском варианте). На этом играли антиправительственные силы, не желавшие сближения Афганистана со странами социалистического лагеря. В той или иной степени за их спиной стояли США, точнее, ЦРУ. Тараки побывал в СССР, просил военной помощи. В Кремле его встретили дружелюбно, обещали помочь оружием, техникой, обучить персонал. Но в прямом вводе советских войск члены Политбюро отказали. В Афганистане присутствовали лишь советники и несколько батальонов ВДВ, охранявших аэропорт в Баграме. Между тем, в стране нарастало недовольство премьер-министром (позже его обвиняли в создании культа личности), оппозиционные Тараки силы концентрировались вокруг Амина. Дело дошло до открытых столкновений, причем, с ужасающей жестокостью. В сентябре наступил апофеоз – мирная встреча Тараки и Амина завершилась стрельбой, после чего премьер-министр был арестован. Через несколько дней, якобы по решению ЦК, его задушили подушкой.

Возглавивший правительство Амин в политическом плане мало отличался от своего наставника Тараки. Он тоже был марксистом-ленинцем, поддерживал идею введения советских войск для спасения завоеваний афганской революции, тесно контактировал с министром иностранных дел Громыко. Но в Москве к нему относились настороженно – Амин учился в США и мог быть завербован американцами. В конфликте между Амином и Тараки Москва была на стороне последнего (его предупреждали о готовящемся перевороте, но он был убежден в верности Амина), что тоже не способствовало укреплению доверия к новому главе республики.

Для координации решений по Афганистану летом 1979 года была создана специальная комиссия Политбюро, в которой главные роли играли Громыко, Устинов и Андропов. К ним стекалась информация от всех источников – дипломатических, разведывательных армейских, агентуры КГБ. Уже осенью стал разрабатываться план ввода войск, началось формирование предназначенной для этого 40-й армии, правда, не одним приказом, а серией распоряжений по министерству обороны. Велась активные консультации со специалистами, большинство которых выступало категорически против вступления в Афганистан, например, начальник Генштаба маршал Н.В. Огарков, его

---

³⁸ История Афганистана с древнейших времён до наших дней / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Мысль, 1982.С. 330.

заместитель маршал С.Ф. Ахромеев, директор Института востоковедения Е.М. Примаков и т.д.³⁹. Из членов Политбюро категорически против ввода войск был А.Н. Косыгин, Брежнев тоже не хотел решительных действий.

Окончательное политическое решение было принято в начале декабря. Комиссия Политбюро предлагала согласиться на просьбу Амина и ввести в Афганистан советские войска, которые займут ключевые пункты и не допустят отступления страны от движения к социализму. При этом на самого Амина предлагалось не рассчитывать, а сделать ставку на более надежного Бабрака Кармаля, которого уже переправили из Праги в Москву. Документ под названием «К положению в “А”» был подготовлен 12 декабря, но заседания по нему не проводилось. Брежнев предложил, чтобы все члены Политбюро ознакомились и поставили свои подписи, т.е. решение фактически переложили на комиссию:

«1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю. В., Устиновым Д. Ф., Громыко А. А. Разрешить им в ходе осуществления этих мероприятий вносить коррективы непринципиального характера. Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро. Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю. В., Устинова Д. Ф., Громыко А. А.

2. Поручить тт. Андропову Ю. В., Устинову Д. Ф., Громыко А. А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Л.И. Брежнев»⁴⁰

Это было похоже на театр абсурда. Амин считал себя другом СССР, постоянно общался с Кремлем, готовился его официальный визит в Москву. Его просьба о вводе войск, наконец, была удовлетворена, и 24 декабря советские подразделения в соответствии с планом стали прибывать в страну – сначала десантники для обеспечения безопасности, потом части 40-й армии. Правительственные войска встречали их как гостей и союзников. К этому времени в Афганистане уже было много советников из СССР, и не только военных, но и гражданских – врачей, строителей, инженеров. В ближайшем окружении Амина тоже было достаточно советских специалистов – советники, личная охрана, два доктора, даже повар. Рядом с новой резиденцией Амина расположились подразделения 103 дивизии ВДВ. И в то же время, в Кремле готовили тайное устранение Амина, фактически, государственный переворот. Его пытались отравить еще в середине декабря, но яд подействовал слабо. У племянника Амина, который руководил службой безопасности (аналог КГБ), симптомы были серьезнее и его отправили на лечение... в Москву. 27 декабря история с отравлением повторилась, но Амина спасли советские врачи. Он так и не понял, что происходит, когда через несколько часов после этого во дворец ворвались бойцы спецгрупп КГБ «Альфа» и «Зенит». В перестрелке погибли до двух десятков спецназовцев (ничего не знавшие солдаты 103 дивизии ВДВ пришли на помощь охране дворца и открыли огонь по своим) и советский военный врач полковник Виктор Кузнеченко, который оказывал помощь Амину. Кстати, сведения о связях Амина с ЦРУ не подтвердились. Жена погибшего премьер-министра

³⁹ См. подробнее: Варенников В. И. Неповторимое. В 7 томах. Том 5. Часть VII. И доблесть и печаль. Чернобыль. М.: Советский писатель, 2001.

⁴⁰ ЦХСД, ф. 89, оп. 14, д. 31, л. 1.

позже переехала в СССР, их дочь окончила Ростовский мединститут. Причины, по которым Амина нужно было уничтожить, до конца непонятны по сей день.

Загадкой остается и то, почему ряд членов Политбюро изменили свое мнение по поводу ввода войск в Афганистан. Весной 1979 года этот вопрос обсуждался на Пленуме ЦК, который подтвердил, что «решение отказаться от удовлетворения просьбы руководства ДРА о переброске в Герат советских воинских частей было совершенно правильным. Этой линии следует придерживаться и в случае новых антиправительственных выступлений в Афганистане, исключать возможность которых не приходится»⁴¹. Тараки и министр иностранных дел Амин еще не раз обращались за поддержкой, но советское руководство твердо стояло на своем: техническая помощь – пожалуйста, но войска вводить не будем. Однако, осенью ситуация изменилась. Очевидно, что главные роли в принятии этого фатального решения сыграли Громыко, Устинов и Андропов. Впрочем, это не снимает вины с остальных членов Политбюро, с их предложением согласившихся. В воспоминаниях участников событий выдвигались версии относительно опасений из-за событий в Иране и возможного вмешательства в них США. Но Картер не сделал этого опрометчивого шага, а советское руководство его совершило. И наступило на вьетнамские «грабли».

Для оказания интернациональной помощи Афганистану в Туркестанском военном округе была сформирована 40-я армия, которую возглавил генерал Юрий Тухаринов. Она включала более сотни различных подразделений, общей численностью около 60 тысяч человек. Для ее комплектования был объявлен призыв резервистов из среднеазиатских республик и Казахстана, так что основной состав вступивших в Афганистан подразделений состоял не из 18-20 летних призывников, а из более зрелых бойцов. В состав ограниченного контингента входили практически все рода войск: две мотострелковые дивизии, зенитная и полевая артиллерия, авиация, войска связи, десантно-штурмовая бригада, различные тыловые службы от медицины, до трубопроводных войск. Советские войска шли с миром и встречали их вполне дружелюбно. Серьезных боевых столкновений или иных инцидентов отмечено не было. Войска заняли ключевые пункты, создали базы, встали гарнизонами в городах. На дорогах были установлены блокпосты, на горных перевалах укрепленные заставы. Все эти шаги были согласованы с местным руководством, часто советские солдаты действовали совместно с афганскими. Никаких опасений ситуация не вызывала.

Но это было лишь временное затишье. Слишком обширны были накопившиеся в Афганистане проблемы, слишком слабо правительство Кармая и слишком много оказалось у него врагов. Это были те, кого обидела революционная власть, начиная от идейных противников социалистического режима и кадровых военных (многие восприняли ввод советских войск как оккупацию), до простых крестьян, вставших под зеленое знамя ислама по призыву местного муллы. Материальную помощь им оказывало правительство Пакистана и ЦРУ, а кадровый потенциал, учитывая бедность и религиозный фанатизм крестьянства, был почти безграничным. Достаточно было поднести спичку, чтобы страна вспыхнула. Началось с провокаций против советских военных: выстрелов из засады, подрывов машин. Последовал ответ – появились новые

---

⁴¹ АП РФ, Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС 12 апреля 1979 года.

обиженные. Раздражение и озлобление с обеих сторон нарастало. Деревенская молодежь уходила в горы, где были организованы лагеря подготовки. Для одних это был патриотический долг, для других – джихад, для третьих – заработок. Советские военные оказались заложниками внутренних проблем чужой страны, сложных религиозных и племенных взаимоотношений. Они пришли защищать Афганистан от внешней угрозы, но в привычном смысле, ее не оказалось – в отрядах моджахедов сражались добровольцы из других стран, но их было очевидное меньшинство. Открытых боевых действий против крупных отрядов моджахедов было не так много, а победить в партизанской войне в малонаселенной горной местности оказалось невозможно. Контингент был увеличен до 100 тысяч, но это не помогло. Враг был везде и, в то же время, нигде – достаточно было моджахеду спрятать автомат, как он превращался в простого дехкана. Советские войска освобождали кишлак от моджахедов, но стоило им вернуться на базы, как ситуация повторялась. Доверять местным кадрам оказалось невозможно, но и без них действовать не получалось. Решение чисто военных задач не приближало, а наоборот, отдаляло политическое урегулирование. Доверие людей к правительству Кармаля только падало, и в 1986 году ему настоятельно посоветовали из Кремля уйти в отставку. Впрочем, сменившему его Наджибулле принципиально изменить ситуацию не удалось.

Афганская авантюра – пример того, к каким страшным последствиям может привести одно необдуманное политическое решение. Оно было провальным изначально, а ситуация не имела силового решения. Несмотря на все усилия и героизм воинов, за десять лет Советский Союз так и не добился политического успеха и вскоре после ухода войск режим Наджибуллы рухнул. Вторжение в Афганистан окончательно похоронило эпоху разрядки напряженности. Летом 1979 года в Вене Леонид Брежнев и президент Джеймс Картер заключили договор ОСВ-2, но после начала афганских событий Сенат отложил его ратификацию. Было введено эмбарго на поставку в СССР сельскохозяйственной продукции, высокотехнологичных товаров, прекращены культурные контакты. Практически сорваны были Олимпийские игры 1980 года – их бойкотировали 60 стран! Действия Кремля вызвали недоумение и у союзников по социалистическому лагерю. Но страшнее всего разрушающий эффект оказался для самого СССР. Пропаганда описывала «оказание интернациональной помощи» в самом радужном свете, но ветераны возвращались, и народ узнавал правду. Вскоре стало невозможно скрывать, что в Афганистане идет настоящая война, которая стоит стране тысяч погибших и покалеченных молодых ребят. Лишь в апреле 1988 год, уже перед выводом войск, ЦК КПСС в письме обращенном ко всем коммунистам СССР нашло смелость назвать число жертв - 13310 убитых, 35478 раненых и 311 пропавших без вести. Многие возвращались с психологическими травмами («афганским синдромом»), а ведь через службу в этой «горячей точке» прошли свыше 600 тысяч человек. Материальные потери точному подсчету не поддаются, хотя в упомянутом письме ЦК, говорилось о пяти миллиардах в год. Но еще важнее оказалось то, что было нарушено взаимопонимание (негласный общественный договор) между народом и властью. И речь не о диссидентах, которые первыми выступили против войны и отправились в застенки, а о широких массах «глубинного» народа. Простые люди не понимали, за что погибают соотечественники, а власть не могла внятно ответить на этот вопрос. А пропагандистские лозунги об «интернациональном долге» и «пролетарской солидарности с братским афганским народом» только вызывали раздражение.

3.6 Польша как индикатор кризиса системы

Польские события были вызваны экономическим кризисом второй половины 70-х, который охватил все соцстраны. Поляки не собирались менять основы государства и не требовали ничего сверхъестественного. Очевидное ухудшение жизни заставило трудящихся бороться за свои права, но тут выяснилось, что призванные защищать их интересы официальные профсоюзы являются лишь подразделением партийной бюрократической машины, и в споре рабочих с государством всегда будут на стороне последнего. Тогда поляки стали создавать на предприятиях другие организации, независимые от властей. Идеологически они были довольно разнообразными (от марксистских до националистических), но цели у них были общие – борьба за соблюдение законных прав трудящихся, прописанных в конституции. Все требовали реального рабочего самоуправления, сокращения партийного контроля, прекращения давления на профсоюзы со стороны милиции и службы безопасности и т.д. Активисты выпускали и распространяли запрещенную литературу, пытались отстаивать интересы рабочих перед администрацией, организовывали стачки и даже демонстрации. (Кстати, в СССР осенью 1978 года тоже была попытка организовать независимое от ВЦСПС Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ), но КГБ быстро прекратило его деятельность⁴²). По мере ухудшения экономической ситуации, популярность свободных профсоюзов среди рабочих только нарастала. Милиция и спецслужбы вычисляли активистов и, если не было повода для возбуждения уголовного дела, просто увольняли с работы. Уважения властям репрессии не добавляли, а независимое профсоюзное движение становилось только шире и радикальнее. «Прорвало» летом 1980-ого. Рабочие демонстрации начались в июле, в августе они охватили почти всю страну. В авангарде выступали рабочие судовой верфи имени Ленина в Гданьске. Судостроители заняли территорию предприятия, выставили патрули, наладили выпуск информационных листов, ввели сухой закон, отслужили мессу. Насилия по отношению к чиновникам и партийным работникам они не допускали. Организатором выступали Свободные профсоюзы Побережья (WZZW) во главе с харизматичным электриком Лехом Валенсой. Вскоре восставшие рабочие приморского региона объединились в Межзаводской забастовочный комитет, который выдвинул манифест из 21 требования к властям. Большинство касались экономических вопросов, но были и политические: освобождение политзаключённых, восстановление на работе уволенных профсоюзных вожаков, легализация свободных профсоюзов и установка католического креста в память о рабочих, расстрелянных милицией в декабре 1970-го. Власти долго колебались, однако, когда стало ясно, что польская армия не собирается стрелять в рабочих, и силовой вариант невозможен, вынуждены были согласиться практически со всеми пунктами манифеста, кроме тезиса о непризнании руководящей роли ПОРП. 10 ноября 1980 года был официально зарегистрирован первый свободный профсоюз Восточной Европы, получивший название «Солидарность». В него сразу вступили 10 миллионов человек – треть всех работающих поляков. Более миллиона из них оказались членами компартии. Большинство творческих и студенческих союзов заявили о поддержке свободного профсоюза. В стране появилась вторая реальная политическая сила, что не могло не раздражать коммунистических лидеров Польши и «братских» социалистических стран. Из

⁴² Деятельность СМОТ была возобновлена в 1988 году в Ленинграде. См.: Свободное Межпрофессиональное Объединение Трудящихся 1978 – 1998. С.-Пб.: ИА СМОТ, 1998.

Москвы настоятельно порекомендовали первому секретарю ЦК ПОРП Эдварду Гереку «по состоянию здоровья» уйти в отставку. Его сменил более лояльный Станислав Каня. Страна оказалась расколота на два лагеря, отношения между которыми с каждым месяцем обострялись. По одну сторону баррикад находился «партийный бетон» – сторонники сильной руки, жесткой социалистической диктатуры. Прежде всего, это были представители партийной и государственной номенклатуры, силовики, часть армейского офицерства. На другой стороне находились требовавшие перемен участники «Солидарности», которые призывали к созданию «социализма с человеческим лицом», что было трудно совместимо с реалиями. Звучали призывы к созданию корпоративного национального государства, независимости во внешней политике. Вспоминали и о сложных моментах в истории польско-российских (и польско-советских) отношений, требовали от власти честных оценок. Более осторожные граждане говорили о том, что радикализм может привести к советскому военному вторжению, как это было в 1968 году в Чехословакии. С обеих сторон были как сторонники диалога, так и маргиналы, поэтому периодически споры выходили за рамки политических дискуссий. Особенно зверствовали отряды ЗОМО – спецподразделений в составе МВД. В марте, после того как милиция избила в Быдгоще профсоюзных активистов, «Солидарность» объявила об общенациональной предупредительной забастовке в знак протеста. Участвовали в ней более 14 миллионов человек! Ситуацию с трудом удалось удержать в рамках закона, правительству опять пришлось пойти на уступки. А из Москвы, тем временем, требовали решительно прекратить антисоветскую риторику, гневно протестовали против пересмотра сложных мест в истории взаимоотношений двух стран, напоминали о 600 тысячах советских солдат, погибших при освобождении страны от фашизма. И недвусмысленно намекали на возможную «интернациональную помощь». Расквартированные в Польше советские войска демонстративно провели учения, а председателем совета министров был назначен генерал Войцех Ярузельский. Через полгода он сменил Канию на посту первого секретаря.

Летом в польских городах начались многотысячные «голодные демонстрации». Ситуация накалилась еще сильнее. Лидеры двух «фронтов» - Ярузельский и Валенса - при посредничестве главы польской церкви кардинала Юзефа Глемпа сели за стол переговоров, но позиции их оказались настолько далеки, что компромисс оказался невозможен. В начале декабря «Солидарность» проводит съезд в Радоме и под угрозой всеобщей забастовки требует передачи власти Общественному совету народного хозяйства — координационному органу трудовых коллективов. По сути, это было требование к ПОРП уйти с политической сцены. В ответ, в ночь на 13 декабря Ярузельский вводит военное положение. Все городские телефоны заранее были отключены, верные воинские подразделения оцепили города и заняли перекрестки, около десяти тысяч активистов «Солидарности» (в том числе лидеры - Валенса, Анджей Гвезда, Мариан Юрчик, Ян Рулевский, Северин Яворский и т.д.), были арестованы и интернированы. Ярузельский в обращении к народу объявил, что власть в ПНР переходит к Военному совету национального спасения (по-польски WRON). Рабочие некоторых заводов и шахт пытались забаррикадироваться на своих предприятиях, но отряды ЗОМО не стесняясь применяли бронетехнику при штурмах и открывали огонь по безоружным. Десятки рабочих и студентов погибли от пуль или были забиты насмерть при разгоне демонстраций. Позже Ярузельский будет говорить, что его действия были вынужденными

– мол, не прими он решительных мер, дело закончилось бы вводом советских войск и «большой кровью». Вопрос остался открытым. Не все в Польше были согласны с точкой зрения генерала, но, когда Ярузельский скончался (в 2014 году), его с государственными почестями похоронили на главном военном кладбище Варшавы и проститься с ним пришли президенты Л. Валенса и А. Квасньевский.

Польские события продемонстрировали, насколько глубоким и системным был кризис социалистической системы. Пусть правительство Эдварда Герека вело непродуманную экономическую политику, используя слишком много кредитов, но все страны социалистического лагеря не нашли возможности помочь государству, которое оказалось на грани голодных бунтов и гражданской войны. Экономических резервов у Кремля и его союзников просто не существовало. Единственное, что СССР смог предложить братьям-славянам, оказалась военная интервенция и помощь в наведении порядка силой.

3.7 Пятилетка пышных похорон

Леонид Ильич Брежнев скончался в ноябре 1982 года на служебной подмосковной даче. Учитывая состояние здоровья, вряд ли можно назвать его кончину неожиданной и безвременной. К такому развитию событий готовились, преемник был известен – за несколько месяцев до того, Юрий Владимирович Андропов сложил с себя полномочия председателя КГБ, став секретарем ЦК (это место освободилось после смерти М.А. Суслова), то есть, вторым человеком в партии. Андропов вел первый после кончины Брежнева пленум ЦК, его кандидатура на пост Генерального секретаря была единственной.

Андропову на тот момент было 68 лет. Для сравнения, Сталин занял аналогичный пост в 42 года, Хрущев - в 59 лет, Брежнев - в 57. Андропов был глубоко больным человеком, он отлично знал, что времени у него очень мало. К высшему посту в иерархии он шел долго, путь получился замысловатый. В тридцатые годы молодой волжский моряк стал делать карьеру по комсомольской линии, потом долго трудился на вторых ролях в партийных органах Карелии. В послевоенное время его «забрали» в Москву в аппарат ЦК, потом перевели в МИД, но после смерти Сталина Андропов был фактически списан – его отправили послом в Венгрию, что обычно становилось последней ступенью карьеры партийного чиновника. Но в 1956-ом Будапешт оказался в центре событий, и у Юрия Владимировича появилась возможность проявить себя. Потом опять Москва – руководство отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. В 1967-м – назначение в КГБ. Андропов никогда не занимался экономикой, не имел высшего образования (кроме партшколы) и опыта руководства промышленными предприятиями. В этом были его минусы и плюсы.

Страна находилась в сложнейшей ситуации. В восьмой пятилетке рост производительности труда достиг 6,8 %, но затем стал снижаться от пятилетки к пятилетке — 4,4 % в девятой пятилетке и 3,8 % в десятой. Это было прямым следствием идеологических ошибок, безразличия людей, незаинтересованности в результате своего труда. А расходы росли – дорого обходилась гонка вооружений и глобальные масштабы международной политики, огромные деньги уходили на поддержку стран-сателлитов,

государственный престиж требовал расходов на космическую отрасль и т.д. Да еще Афганская война. В семидесятые спасали высокие цены на нефть, но, достигнув пика в 1980-м году, они стали падать. Нужны были новые решения. На XXVI съезде партии (март 1981 года) Л.И. Брежнев выдвинул новый лозунг «Экономика должна быть экономной», что подразумевало сокращение издержек, но никаких реальных действий правительство не предприняло, и инициатива была благополучно забыта. Оперативное руководство экономикой практически отсутствовало после того, как А.Н. Косыгин из-за своей позиции по Афганистану потерял влияние в ЦК. После его кончины правительство возглавил 75-летний Н.А. Тихонов, самостоятельного мнения не имевший.

22 ноября 1982 года в первом выступлении на Пленуме ЦК КПСС в качестве Генерального секретаря Андропов отметил: «По ряду важнейших показателей, плановые задания за первые два года пятилетки (одиннадцатой) оказались не выполненными... Главный показатель эффективности экономики – производительность труда – растет темпами, которые не могут нас удовлетворять»⁴³ Там же был выдвинут новый лозунг – интенсификация производства и борьба с просчетами в организации, которые этому мешают: «Чтобы внедрить новый метод, новую технику, нужно так или иначе реорганизовать производство, а это сказывается на выполнении плана. Тем более за срыв плана производства спрашивают, а за слабое внедрение новой техники – ну самое большее, что пожурят».⁴⁴

В рамках сложившейся бюрократической системы у Андропова было не много возможностей для маневра, тем более, без экономических знаний. Но, как выходец из сталинской бюрократии, он понимал, что «кадры решают все». Летом 1982 года Ю.В. Андропов поручил молодым (обоим было чуть за пятьдесят), но достаточно опытным М.С. Горбачеву (тогда – член Политбюро ЦК, ранее первый секретарь Ставропольского обкома) и Н.И. Рыжкову (он прошел путь от инженера до генерального директора «Уралмаша», потом был замминистра тяжелого машиностроения и зампредом Госплана) начать подготовку экономической реформы – первый отвечал за политику в области сельского хозяйства, второй – в промышленности. К разработке нового партийно-государственного курса были привлечены видные экономисты: академики А.Г. Аганбегян, Г.А. Арбатов, Т.И. Заславская, О.Т. Богомолов, доктора наук Л.И. Абалкин, Н.Я. Петраков и некоторые другие, взгляды которых были в основном рыночными. Наметился определенный сдвиг – например, был принят Закон о трудовых коллективах, формально предоставивший работникам права на участие в управлении делами предприятия. Однако реальный механизм осуществления этих прав так и не был разработан.

Но Андропов не мог сидеть сложа руки и ждать разработки концепции реформ. Себе он оставил другой, не менее важный фронт работы – наведение в стране порядка. Андропов формировался в сталинской партийной системе и, в некотором смысле, оставался верен ей до конца своих дней. С тех времен он вынес безусловное бескорыстие, личную скромность, колоссальную трудоспособность, тягу к жесткой дисциплине и

---

⁴³ Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 года // «Правда». 1982, 23 ноября.

⁴⁴ Там же.

нетерпимость к коррупции. Этим он выгодно отличался от многих представителей партийной номенклатуры 1970-х. До поры его возможности были ограничены всесилием ЦК, теперь же он готов был решительно пресечь повсеместное разгильдяйство – повысить трудовую дисциплину, прекратить приписки и коррупцию, укрепить вертикаль власти. «Почему на Пленуме ЦК КПСС так остро был поставлен вопрос о трудовой дисциплине? – говорил он. – Прежде всего – это требование жизни. Потому что без должной дисциплины трудовой, плановой, государственной мы быстро идти вперед не сможем. Наведение порядка действительно не требует каких-либо капиталовложений, а эффект дает огромный».⁴⁵

Уже через месяц после назначения Андропова был снят со своего поста глава МВД Н.А.Щелоков, который занимал этот пост 17 лет и считался близким к Брежневу человеком. Его место занял В.В. Федорчук, возглавлявший КГБ после ухода Андропова. С ним в МВД пришли около 150 опытных сотрудников Комитета, которым предстояло освободить милицию от нечистоплотных кадров. По данным генерала милиции А.И.Гурова⁴⁶, за короткий «андроповский» период из органов МВД было уволено около 100 тысяч человек, и введен постоянный контроль над сотрудниками МВД со стороны КГБ. Некоторые считали это логичным исходом многолетней борьбы между ведомствами, которая после прихода в Кремль Андропова завершилась полной победой КГБ, другие говорили о необходимой кадровой чистке погрязшей в коррупции правоохранительной системы.

Андропов пытался опираться на новое поколение партийных чиновников. За экономические преобразования отвечали Горбачев и Рыжков, за кадры – Егор Лигачев (ранее возглавлял Томский обком), за административные вопросы и оборонку – Григорий Романов (возглавлял Ленинградскую парторганизацию). Управляющим делами ЦК стал Николай Кручина; вернулся из многолетнего пребывания в Канаде Александр Яковлев, которому было поручено создать новую редакцию программы КПСС. Но большинство в ЦК все же составляли брежневские «ветераны».

Андропов требовал порядка от всех государственных чиновников. «Дела идут неважно, а руководители министерств, отраслей в отпусках, лето - самая лучшая пора! Отозвать немедленно тех, у кого плохо идут дела. Повышение дисциплины, ответственности, это, прошу учесть, не кампания, это постоянные факторы. Предупреждаю всех! Кто сорвет планы - будет объясняться в ЦК. Посмотрим, надо ли держать такого министра»⁴⁷. К концу 1983 года сменился каждый пятый из первых секретарей обкомов партии, 22 % членов Совета Министров и значительное число высшего руководства аппарата ЦК⁴⁸. В некоторых регионах почти каждый третий партийный работник был смещен с занимаемой должности. В Москве был освобожден 31 % партийных руководителей разных уровней, на Украине - 34 % (в том числе 9 секретарей ЦК), в Казахстане - до 32 %.⁴⁹

⁴⁵ Встреча Ю.В. Андропова с московскими станкостроителями // «Известия». 1983, 1 фев.

⁴⁶ Гуров А. Красная мафия. М., 1995. С.143.

⁴⁷ Цит. по Лигачев Е.К. Загадка Горбачева. Новосибирск: Интербук, 1992. С.17.

⁴⁸ Лигачев Е.К. Предостережение. М.: Газета «Правда», 1999. С. 47, 50.

⁴⁹ Земцов И.Г. Крах эпохи. Кн. 1. Андропов, Черненко, Горбачев ... последние коммунисты в Кремле. М.: Наука, 1999. С. 179.

Серьезные масштабы приобрела борьба с коррупцией, причем, если в предшествующие времена власти старались не выносить «сор из избы», то теперь экономические процессы шли публично, с освещением в центральной прессе. Почти, как в сталинские годы. Был арестован начальник Главного управления торговли Мосгорисполкома Трегубов, более двадцати лет занимавший этот пост, и 25 ответственных работников его управления. На скамье подсудимых оказались директор гастронома в ГУМе, «Елисейского», гастронома на Смоленской площади, директор фирмы «Океан», автомобильного магазина «Южный порт» и многие других. В ходе расследования было установлено, что каждый магазин выплачивал дань в районное управление торговли, районные управления платили дань в Главное управление торговли Мосгорисполкома. Оттуда деньги шли на подкуп чиновников министерств и ведомств, руководство МВД. Впервые в советской печати прозвучало слово «торговая мафия». Еще громче было «Узбекское дело». Началось оно с ареста начальника бухарского ОБХСС у которого изъяли более миллиона рублей и бессчетное количество драгоценных металлов. Потом нити потянулись к высшему руководству республики. Дело длилось несколько лет, тысячи чиновников оказались за решеткой, а должностей лишились 58 тысяч руководящих работников.

Не обходилось и без абсурда. Как-то Андропов сказал: «Ослабла дисциплина труда. По Москве, например, в рабочее время бродят тысячи бездельников, как правило, управленцев, сотрудников министерств, НИИ и т.д.»⁵⁰. Ретивые сотрудники силовых органов взяли под козырек, и стали проводить массовые облавы в кинотеатрах, пивных и банях, выявляя тех, кто находился там в рабочее время. На прогульщиков составляли протоколы, писали письма по месту работы, разбирали на партсобраниях, лишали доплат и премий. Конечно, такие проверки были унижительны, и вызывали у людей раздражение. На уже упоминавшейся встрече с рабочими завода имени Серго Орджоникидзе, Андропову даже пришлось оправдываться: «Хотел бы, чтобы товарищи правильно поняли, что вопрос об укреплении дисциплины относится не только к рабочим, инженерно-техническим работникам. Это относится ко всем, начиная с министров»⁵¹.

Всего 15 месяцев Андропов стоял у руля советского государства, в последние полгода с трудом преодолевая тяжелую болезнь. С начала сентября 1983 года он уже не появлялся на людях, а в феврале скончался. Большинство его начинаний остались незавершенными и трудно сказать, в какую сторону дальше развивалась бы страна под его руководством – по пути реформ, которые он, вроде бы, планировал, или по пути репрессий и «закручивания гаек». Эту тайну он унес с собой в могилу.

На Западе считали, что «наследником» Андропова должен был стать Михаил Горбачев⁵². На то указывали явные, хотя и не писанные номенклатурные правила - именно он зачитывал на последнем прижизненном пленуме доклад Андропова, он же вел заседания Политбюро, когда по состоянию здоровья отсутствовал К.У. Черненко. А такое происходило часто. Ни для кого не было секретом, что Юрий Владимирович

⁵⁰ Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М.: «Совет ветеранов книгоиздания» • SI-MAR, 1995. С. 23.

⁵¹ Встреча Ю.В. Андропова с московскими станкостроителями // «Известия». 1983, 1 фев.

⁵² Зорин А.В. М.С. Горбачев в аналитических обзорах ЦРУ (1982-1987 гг.). «Вестник ВятГУ». 2016. № 8. С. 46-51.

симпатизировал и покровительствовал Горбачеву, несмотря на разницу в возрасте, они дружили семьями. Однако, получилось все иначе, и на пост Генерального был назначен представитель старой брежневской гвардии Константин Устинович Черненко. Причем, его кандидатура была единственной. Горбачев даже не пытался бороться, поскольку в Политбюро авторитета и голосов у «ветеранов» было больше. По сути, решение было принято новой «большой четверкой» - Черненко, Громыко, Устинов, Тихонов. Из них 73-летний Черненко был самым молодым, хотя он был даже старше Андропова.

Черненко никогда не был самостоятельным руководителем, тем более, лидером. Он двигался по стандартному пути комсомольского, потом партийного работника, дошел до поста заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Молдавии. А первым секретарем ЦК Молдавии в то время был Брежнев. Леонид Ильич оценил усердие и способности Черненко, они подружились. Далее карьера Константина Устиновича шла параллельно с возвышением Брежнева. Черненко двадцать лет возглавлял секретариат Брежнева – сначала как начальник Секретариата Президиума Верховного Совета СССР (председателем Президиума в 1960—1964 годах был Л. И. Брежнев), потом как заведующий Общим отделом ЦК КПСС. Он контролировал рабочий график, отвечал за почту, готовил вопросы и подбирал материалы к пленумам и заседаниям Политбюро, отслеживал приближающиеся юбилеи, составлял списки на награждение. Черненко был ближайшим к Брежневу человеком в руководстве, естественно, был в курсе всего происходящего в высшем партийном эшелоне. Но никогда не выходил на первый план и не принимал политических решений, а тяжелая болезнь легких и вовсе превратила его в инвалида. Все члены ЦК прекрасно знали, что Константин Устинович фактически не мог работать⁵³, но это устраивало его соратников, которые надеялись сами определять политику страны.

Вряд ли есть смысл говорить о том, что делал Черненко на посту Генерального секретаря, скорее стоит констатировать, что происходило в тот период, когда он формально возглавлял СССР. Работа комиссии Горбачева-Рыжкова по реформам была практически свернута. Репрессивная компания по укреплению дисциплины затихла сама собой. Уже начатые коррупционные дела были довольно быстро свернуты – уже обвиненные и арестованные понесли суровое наказание, но раскручивать тянувшиеся к верхним эшелонам власти связи не стали. Слишком ретивых следователей перевели на другие направления. Страна вернулась в сонный режим эпохи застоя, но в новых условиях это была уже совсем недопустимая роскошь.

Прежде всего, изменение ситуации было связано с обострением международного противостояния, началом нового витка «холодной войны». Спровоцировал его ввод Советских войск в Афганистан и последовавший за этим срыв ратификации договора ОСВ-2. В январе 1981 года президентом США стал Рональд Рейган, который уже в предвыборной гонке ратовал за более жесткую политику в отношении «Советов». Военные расходы США были увеличены, гонка вооружений опять стала набирать обороты – в Европе были установлены американские ракеты средней дальности с «подлетным временем» недоступным советским ПВО, началось производство нейтронного оружия, разрабатывался космический проект СОИ. Существенно выросли

---

⁵³ Чазов Е.И., указ. раб. С. 197-199.

ассигнования на помощь странам, выбравшим прозападную политическую ориентацию. В марте 1984 года Рейган впервые назвал СССР «империей зла», после чего в американской прессе появились призывы к «крестовому походу против коммунизма». Конечно, речь шла не о военном решении, а о курсе на экономическое истощение противника, что было вполне реально, учитывая возникшие у стран социалистического лагеря сложности. Мобилизационная политика Андропова отчасти была ответом на действия запада, при этом Советский Союз пытался поддерживать имидж борца за мир и не без успеха апеллировать к мировой общественности. Но все изменилось после трагических событий на Дальнем Востоке.

В ночь на 1 сентября 1984 года в небе над Сахалином советским перехватчиком был сбит гражданский лайнер «Боинг-747», совершавший рейс Нью-Йорк - Анкоридж - Сеул. Самолет принадлежал Южной Корее, на нем было 269 пассажиров и членов экипажа. Все они погибли. Некоторые нюансы этой истории до сих пор не прояснились. С одной стороны, лайнер действительно залетел на территорию СССР, отклонившись от международного коридора на 500 километров. И в какой-то момент рядом с ним действительно находился американский самолет-разведчик «Боинг» RC-135, который габаритами и внешним видом похож на пассажирский лайнер. Самолет пролетел над Камчаткой, вышел из воздушного пространства СССР, потом снова вошел в него над Сахалином. На перехват были подняты советские истребители, которые пытались принудить его сесть, но лайнер продолжал полет. Видел корейский пилот военные машины или нет – точно не известно. Трассирующих снарядов для привлечения внимания у советских летчиков не оказалось, они стреляли по курсу «Боинга» бронебойными. Когда лайнер уже покидал территорию СССР, истребители получили приказ об уничтожении цели. Действия советской стороны были законны, но вряд ли гуманны. Была ли это сознательная провокация американских спецслужб или трагическая случайность (отказ навигационного оборудования или ошибка экипажа) – остается загадкой. Но медийный и идеологический бой вокруг этого инцидента Советский Союз точно проиграл. Уже первого сентября все мировые информационные агентства сообщили о трагедии, а государственный секретарь Д. Шульц провел пресс-конференцию, в которой обвинил СССР в умышленном убийстве невинных людей. Советская сторона молчала, поскольку Андропов был на лечении, а без него никто не мог взять ответственность на себя. Шли совещания в Генеральном штабе, собралось Политбюро (заседание вел Черненко), но политического решения не было. В итоге, только к вечеру второго сентября ТАСС выпустил странное сообщение, которое заканчивалось словами: «Поднятые навстречу самолету-нарушителю истребители ПВО пытались оказать помощь в выводе его на ближайший аэродром. Однако самолет-нарушитель на подаваемые сигналы и предупреждения советских истребителей не реагировал и продолжал полет в сторону Японского моря»⁵⁴. В следующие дни в советской прессе еще несколько раз выходили официальные сообщения о том, что самолет покинул границы СССР и уже после этого пропал с экранов радаров. И лишь 7 сентября Советское правительство признало, что самолет был сбит, и выразило сожаление «по поводу гибели ни в чем не повинных людей». Заканчивалось официальное сообщение ТАСС словами: «Всю ответственность за случившуюся трагедию несут целиком и полностью руководители Соединенных Штатов

---

⁵⁴ - «Правда», 1983, 3 сен.

Америки»⁵⁵. На следующий день в Мадриде состоялась встреча госсекретаря Шульца и министра иностранных дел Громыко, которая превратилась в обмен взаимными обвинениями. В первый и единственный раз Громыко на публике потерял самообладание (министр бросил очки на стол, чуть их не разбив), что в такой ситуации можно понять. Из-за затянутой реакции и невнятной позиции советского руководства (а проще говоря, из-за необъяснимой многодневной лжи, которую самим пришлось опровергать) западные СМИ имели возможность преподнести события в выгодном им свете, что поставило Советский Союз в весьма неприятное положение. Миролюбие и гуманизм Советского Союза в глазах западной общественности теперь вызывал сомнения, а Рейган получил возможность наращивать военные расходы. Кремль вынужден был отвечать, что ставило экономику страны на грань катастрофы. Это было еще одно подтверждение недееспособности правительства и необходимости срочных перемен. Но с избранием Черненко время для СССР остановилось еще на год.

---

⁵⁵ - «Правда», 1983, 8 сен.